

МАЙЯ ЛУНДЕ
ХРАНИТЕЛЬНИЦА
СОЛНЦА

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛИЗЫ АЙСАТО

МАЙЯ ЛУНДЕ
ХРАНИТЕЛЬНИЦА
СОЛНЦА

MAJA LUNDE
SOLVOKTEREN

Illustrert av LISA AISATO

МАЙЯ ЛУНДЕ
ХРАНИТЕЛЬНИЦА
СОЛНЦА

Иллюстрации ЛИЗЫ АЙСАТО

Издательский дом «Городец» благодарит за оказанную помощь в выходе издания
независимую частную российскую производственную компанию

«Праймлайн» (www.prime-l.ru)

ПРАЙМЛАЙН: КОМПЛЕКСНЫЕ ЕРС-ПРОЕКТЫ

Published by agreement with Gyldendal Group Agency and Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency

The book has been published with financial support of NORLA

NORLA
NORWEGIAN LITERATURE ABROAD

УДК 821.113.5-93
ББК 84(4Нор)-4
Л 84

Книга издана при финансовой поддержке
фонда «НОРЛА»

Перевод с норвежского Елены Рачинской

Лунде, Майя.

Л 84 Хранительница солнца : сказка / Майя Лунде ; ил. Лизы Айсато ; пер. с норвежского. —
М.: ИД «Городец», 2024. — 204 с. — (Скандинавская линия «НордБук»).

«Хранительница солнца» — это история о девочке Лилии, которая живёт в странном, тёмном мире, где нет ни зимы ни лета, ни дня ни ночи, лишь вечный дождь и унылая серость вокруг. На земле, пропитанной дождём, давно ничего не растёт. О том, что когда-то в мире существовало солнце, девочка знает лишь по рассказам дедушки. Он выращивает овощи в таинственной теплице, куда никому не позволяет входить. Но однажды, нарушив запрет и открыв дверь, девочка находит дорогу в удивительный мир. В этом мире её подстерегают опасности, но она обретает и любовь, и дружбу, и радость, а главное — надежду на то, что весна всё же наступит.

В 2018 году норвежская писательница Майя Лунде и художница Лиза Айсато решили создать детскую тетралогию о временах года. Первая книга, «Снежная сестрёнка» (русский перевод 2019), стала бестселлером и вошла в золотой фонд норвежской детской литературы. Вторая, «весенняя» книга, «Хранительница солнца» — перед вами.

ISBN 978-5-907641-79-2

© Text: Maja Lunde

© Illustrations: Lisa Aisato

First published by Kagge Forlag AS, 2020

© Е. Рачинская, перевод на русский
язык, 2023

© ИД «Городец», издание на русском
языке, оформление, 2024

С закрытыми глазами мне до сих пор удавалось вызвать в себе ощущение, каково это — когда солнышко греет нос и щёки и в тебя проникает не похожее ни на что на свете тепло, от него тает сердце, и ты не в состоянии думать ни о чём плохом. Словом, я знала, что солнце когда-то существовало, хотя исчезло оно давным-давно, мне тогда был всего годик.

В моём мире солнца не было. В моём мире бесконечный дождь пропитал влагой леса и поля, мелкие капли вечно стучали по крыше и с плеском разбивались о поверхность луж. У нас не было ни лета, ни осени, ни зимы, ни весны, а ведь дедушка говорил, что весна — самое прекрасное время года. У нас не было ни ночи, ни дня, только вечные сумерки. Верхушки гор освещал тусклый свет, всё остальное тонуло в потёмках. Когда пора вставать, когда ложиться, показывали лишь часы на рыночной площади. Мой мир был тёмным и мокрым. День за днём дождь и хмарь, даже грозы с громом и молниями ни разу не случалось. И не забудь дедушка как-то раз взять на работу еду, я так никогда и не узнала бы, какую тайну он скрывает в своей теплице, и тогда всё так и осталось бы — тоскливым и мрачным. Навсегда.

Хлеб на столе я заметила сразу после его ухода — чёрствую горбушку, которой едва хватило бы, чтобы накормить взрослого мужчину, но, когда у нас заканчивались овощи, приходилось сидеть на сухарях.

Я бросилась к двери вслед за дедушкой, но он уже исчез из виду. Я постояла в раздумьях с горбушкой в руке, потом завернула её в полотенце, сунула в карман фартука и стала натягивать дождевик. Он был мне великоват, мне отдали его донашивать из жалости. Вслух этого никто не произносил, но я знала, что многие жалели меня, «сиротку Лилию». Я ощущала на себе сочувственные взгляды взрослых, слышала, как они перешёптываются, когда я прохожу мимо. К этому я уже привыкла, ведь я была сиротой сколько себя помню.

На улице тихо шёл дождь, его нити колыхались на ветру, будто трава.

Перед домом стояла огромная лужа, слишком большая, чтобы перепрыгнуть. Пришлось идти прямо по ней, другого выхода не было. Я почувствовала, как в мои протёртые до дыр сапоги проникает вода, ноги сразу промокли. При каждом шаге сапоги хлюпали: хлип-хлюп. Ненавижу, когда промокают ноги. Хуже не бывает, разве только

когда промокают плечи, а они промокают, когда слишком долго пробудешь на улице, даже в дождевике. Льёт ведь без конца — какой тут дождевик выдержит! Мало-помалу капли затекают за шиворот, просачиваются сквозь швы, особенно на плечах. А когда промокли плечи, понимаешь, что пора домой.

Перебравшись через лужу, я увидела Тома и Тею. Они играли у ручья, протекавшего между нашими домами. Тея пела, а её младший братишка пытался подпевать. Песенка была мне хорошо знакома, её пели все дети у нас в деревне:

*Солнышко-солнце, куда ты ушло?
Как же нам нужно твоё тепло!
Вот уже целую сотню лет
Ни зим, ни вёсен, ни лета нет,
Лишь осенний дождь обложной
Дождь сплошной
Висит пеленой.**

Тея и Том строили запруду. Дети нашей деревни часто так играли — что-то, а строить запруды они научились, и лучше всех это умела Тея. Сегодня она соорудила запруду в верхней части ручья и оттуда направила воду на колесо, которое сколотила из кусочков дерева. Колесо завертелось, и Том в восторге захлопал в ладоши.

— Здрóрово! — сказала я.

Тея обернулась и кивнула мне.

— Ещё не готово. Хочу сделать колесо побольше, чтобы оно нам послужило. Может, получится, чтобы свет давало.

— Свет! — воскликнул Том.

* Перевод Екатерины Чевкиной.

— Умно! — проговорила я.

— Ещё как умно! — Том шмыгнул носом и утёрся рукавом. Насморк у него был постоянно, наверняка оттого, что вечно ходил с мокрыми ногами.

— А ты куда? — спросила Тея. — Давай к нам строить!

— Мне нужно в теплицу, к дедушке.

— А-а, — разочарованно протянула она. — За овощами?

— Нет, — ответила я, — еды ему отнести.

И я показала им горбушку.

— Но хоть немножко-то овощей принеси! — попросил Том. — Хотя бы одну морковку.

Я покачала головой.

— Не знаю, есть ли у него что сегодня. И потом, он никогда не разрешает ему помогать. Всегда носит овощи на рыночную площадь сам.

— Жалко... — вздохнул Том. — И ты ни разу в теплицу не заходила?

— Нет, — улыбнулась я. — И ты это прекрасно знаешь.

Пока он играл, капюшон съехал на затылок, и стало видно, какой Том худой и бледный. «Как похудел», — подумала я и перевела взгляд на Тею. Она была очень похожа на брата, такая же худая и бледная. Словно тают оба с каждым днём.

Я поспешила дальше по размокшей глинистой дороге. На рыночной площади мне навстречу попался пастух Юнас со своим стадом. Шерсть у овец была вся в грязи. Когда пастух их подгонял, они слабо блеяли. Потом я увидела крестьянку Анну в насквозь промокшем комбинезоне и высоких, облепленных грязью сапогах. Она запрягала в повозку свою старушку-лошадь и кивнула мне. Лошадь была под стать хозяйке, такая же тощая. Как и все мы... Я и сама, пожалуй, таю. Не помню, когда последний раз мне нужны были сапоги побольше. Поэтому они и истёрлись до дыр. Я износила их, не успев из них вырасти.

В конце концов я вышла на другую окраину деревни. За ней простирались поля, где крестьяне пытались вырастить зерно, и пастбища, где пара коров искала среди посеревшей травы зелёные побеги. Через поле тянулись две узкие колеи, и я старалась идти строго между ними, чтобы не промочить ноги ещё больше. Впереди показалась дедушкина теплица. Она стояла на лугу, поросшем вялой травой и плотным кустарником. За лугом начинался лес — стена чёрных стволов и веток, ёлка за ёлкой вплоть до самых гор, их очертания проступали на горизонте в блёклом зареве над ними.

В лес мы никогда не заходили, нам не разрешали. «Держитесь от леса подальше, — говорили взрослые, — там так темно, что, стоит только зайти, тут же заблудишься и никогда не найдёшь дорогу обратно».

Когда мы были помладше, случалось, мы с Теей играли, будто пошли в лес. Мы крались меж чёрных стволов, за которыми прятались страшные твари, готовые в любую минуту схватить нас. Про тварей придумала Тея. Она считала, что в лесу, кроме мёртвых деревьев и темноты, есть ещё что-то, что взрослые от нас скрывают, — наверняка чудовища. Как-то вечером она подслушала, как перешёптывались родители. Её отец ходил охотиться на ворон и в глубине леса увидел два сверкающих на тёмном лице глаза. Он убежал без оглядки и с тех пор ловил ворон только на полях, а мы стали играть в лесных чудищ... Это было давно, теперь мы вместе не играли. Тея младше меня на год, и раньше это будто бы не имело значения, а в последнее время вдруг оказалось, что разделяющие нас тринадцать месяцев — это очень много. Тее по-прежнему хотелось возиться в воде, строить запруды, а мне надоели и ручей, и игры в чудовищ, но что предложить взамен, я не знала. Чем заняться, когда прекращаешь играть в игры? Просто гулять? Сидеть на площади, болтать и ничего не делать? Этого Тее я предложить не могла, она меня просто высмеяла бы.

Я вышла к теплице. Наружу проникал чистый белый свет ламп — единственный свет, питающий растения. Что там внутри, с улицы было не видно, потому как стёкла были заклеены бумагой. В теплицу имел доступ только дедушка, и я не находила в себе смелости спросить — почему. Я много о чём боялась его спрашивать.

«Да у тебя, видать, удобрения волшебные!» — посмеиваясь, говорили дедушке жители деревни. Но ни ответа, ни объяснений никто не ждал. Все были счастливы уже тем, что раз в три дня дедушка приносил им крупные свежие овощи: ярко-красные помидоры, оранжевую морковь, тёмно-зелёные огурцы, крепкие хрустящие стручки гороха с маленькими сахарными горошинами, которые будто скачут во рту, когда их ешь.

Когда я думала о дедушке, меня переполняла гордость. Ведь в деревне он был, пожалуй, самым важным человеком. Не будь его, мы все давно умерли бы с голоду. Пусть уж лучше происходящее в теплице остаётся тайной.

— Дедушка! Ты здесь?

Я подошла к двери и постучала. На двери висела большая табличка «Посторонним вход воспрещён».

Ответа не было.

Я окликнула ещё раз:

— Дедушка, это я! Я тебе хлеб принесла.

Приложив ухо к двери, я прислушалась. Тишина. Только слабое жужжание, наверняка от ламп, больше ничего.

Я свернула за угол и пошла вдоль длинной стены теплицы. Так близко я редко подходила, дедушка мне запретил. Пару раз я нарушала запрет, и тогда он страшно сердился: «Сколько раз я говорил держаться от парника подальше, тебе нечего там делать!»

Наверное, мне следовало вернуться. Но я же просто хотела отдать ему хлеб, чтобы он не ходил весь день голодный.

У дальнего угла теплицы я остановилась и осторожно постучала в стекло.
— Дедушка!

Опять никакого ответа. Я прижалась лицом к стеклу и обнаружила, что внизу, на стыке двух листов, бумага прорвалась и через щёлку можно заглянуть внутрь.

Я наклонилась и заглянула.

Яркий свет ослепил меня. Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы к нему привыкнуть. На уровне глаз стоял стеллаж с растениями и рассадой.

Не знаю, сколько раз я представляла себе дедушкину теплицу: крепкие зелёные растения, обсыпанные ягодами кусты, плодовые деревья в кадках, овощи и фрукты всевозможных цветов и оттенков под тёплым светом ламп.

То, что я увидела, было совсем на это не похоже. Прямо передо мной тянулся вверх бледный маленький росток, тонкий и жалкий, напоминающий те, что иногда проклёвывались на полях, но так и не успевали толком вырасти из-за вечных дождей. Рядом лежала парочка мелких бледно-розовых корнеплодов — ага, редиска.

Я наклонилась пониже, чтобы разглядеть, где же те самые свежие аппетитные овощи, что раз в три дня приносил в деревню дедушка, но ничего, кроме бледной рассады и крохотных жалких растений, не увидела.

Сердце бешено заколотилось. Я бросилась обратно к двери. Не раздумывая и даже не постучавшись, я распахнула её и впервые вошла в дедушкину теплицу.

Сколько себя помню, я мечтала, чтобы произошло хоть что-нибудь, что изменило бы всё к лучшему, и в моей жизни, и в мире. И больше всего на свете мечтала о двух вещах: не быть сиротой и увидеть весну.

«Расскажи о временах года! — попросила я перед сном дедушку как-то раз, когда была помладше. — Расскажи о лете, об осени, о зиме. И о весне!» В тот день я услышала, как старшие мальчики на площади говорили, что раньше год делили на четыре части, их называли временами года. И, к счастью, дедушка согласился. Он рассказал о лете, укрывавшем землю цветочным ковром, о светлых ночах в июне, июле и августе. Об осени — сентябре и октябре — самом богатом времени года, когда в полях колосились овёс и пшеница, а грядки ломились от овощей. Рассказал, как в ноябре всё кругом покрывалось изморозью, наступала зима и на протяжении трёх самых тёмных месяцев — декабря, января и февраля — скрывала под толстым слоем снега всё неприглядное и серое. И дедушка поведал мне о весне, самом лучшем времени года — о марте, апреле и мае, — когда весь мир просыпался от зимней спячки и природа вдруг начинала меняться со сказочной быстротой: прорастали семена, покрывались листьями деревья, прилетали

певчие дрозды и начинали высвистывать свои долгие звонкие трели. Рассказал дедушка и о солнце, светящемся огненном шаре, который катился по небу с востока на запад, чтобы на ночь исчезнуть, а утром появиться снова. Это благодаря ему весной всё вырастало будто из ничего, наполнялось жизнью, а летом цвело и зрело. Зимой солнце играло с нами в прятки, говорил дедушка, его свет становился бледнее и холоднее, оно пряталось, и наступали холода. А следующей весной оно возвращалось таким же сильным и ярким, как прежде.

«Весна! — думала я. — Вот бы застать её, увидеть, как мир вокруг взаправду меняется, а не остаётся всегда неизменным».

— А я же видела солнце? — спросила я дедушку. — Грелась в его лучах?

— Да, Лиленька, — ответил он, — так оно и было.

Дедушка выговаривал слова очень медленно. Наверное, потому, что работа выматывала его. Или потому, что его снедала невыносимая грусть, он тосковал по всему тому, что мы потеряли. И двигался он медленно и осторожно, будто пробирался через заросли крапивы, бесконечные заросли, из которых ему не выбраться.

— В первый год твоей жизни солнце ещё светило, — сказал он.

— Я его помню, — откликнулась я, — кажется, помню.
— Ты же была совсем крохой.
— Оно оставляло на носу такие маленькие рыжие точки, правда?
— Да, правда.
— А потом солнце исчезло?
— Да. Когда тебе исполнился год, оно исчезло. Исчезло и никогда больше не возвращалось.

Дедушка с грустью посмотрел на меня. Он подался ко мне и приподнял руку. На секунду мне показалось, что он собирается меня обнять. «Вот сейчас он распахнёт объятия, — подумала я, — и прижмёт меня к себе». Вдруг я почувствовала ком в горле. Как мне хотелось, чтобы он обнял меня, как обнимают только мама с папой да бабушка с дедушкой, чтобы показать своим детям и внукам, что они заботятся о них, любят их. «Интересно, каково это, колется ли его щетина? — подумалось мне. — Наверное, когда тебя обнимают, возникает какое-то особое, тёплое чувство».

Но ничего не произошло. Дедушка меня не обнял. Он просто протянул руку и неуклюже потрепал меня по плечу. Через свитер прикосновения я почти не почувствовала.

И я проглотила подступивший к горлу ком.

Обниматься у нас с дедушкой было не принято. Ну и ладно. Ничего страшного. Это нормально.

Мне дали имя в честь высокого светолюбивого цветка лилии, но на самом деле следовало назвать меня по-другому, в честь маленького робкого цветка, который лучше всего растёт в тени, ведь некоторые растения почти не требуют ухода, да и свет им особо не нужен. Я и есть такое растение.

Разговор, видимо, был окончен. Дедушка встал, подошёл к печке и подбросил в огонь ещё полено. Выглядел он разбитым и печальным. «Бедный дедушка, как он устал, целыми днями работает в теплице один-одинёшенек,

помощников к себе не пускает», — подумала я, но высказать это не решилась. Мне показалось, что проще промолчать.

Вместо этого я снова спросила:

— Солнце пропало, когда я была совсем ребёнком, и не вернётся ещё сотню лет, так ведь? Точно как поётся в песне?

Полено разгорелось, и пламя осветило дедушкино лицо.

— Это очень старая песня, — откликнулся он. — Прежде мы рассказывали истории о том, как однажды, давным-давно, солнце пропало на целую сотню лет, но мы думали — это просто сказка, мы и не подозревали, что это может случиться на самом деле.

— Но случилось, — проговорила я.

— Да...

— И когда оно вернётся? Неужто и вправду придётся ждать целую сотню лет?

— Не знаю, Лиленька, никто не знает.

— Я по нему скучаю, — тихо прошептала я.

Дедушка не ответил, только тяжело вздохнул, и я пожалела, что заговорила об этом. Я же знала, что, когда была маленькой, пропало не только солнце. Я же знала, что раньше народу у нас был полон дом и когда-то у меня были мама, папа, старшие брат с сестрой и бабушка. На чердаке стоял сундук, куда дедушка собрал их вещи: мамину книгу о растениях, папин этюдник, бабушкино вязание. Иногда я доставала оттуда что-нибудь. Аккуратно рисовала папиными красками, яркими и сочными, я таких больше нигде не видела. В моём мире таких красок не было. Или читала о растениях. Эту книгу я любила больше всего, картинки я могла изучать часами. Я помнила название каждого цветочка, каждого сорта яблок. В сундуке хранился и старый гербарий с маминым именем на обложке. Я бережно проводила пальцем по засушенным цветам и растениям и удивлялась, какие же они хрупкие. По сравнению с нарисованными в книге они были мёртвыми и блёклыми и едва походили на них.

Блёклые... Совсем как эти, в дедушкиной теплице, на которые я смотрела сейчас. Я прищурилась. С потолка на меня лился холодный белый свет ламп, не дававший никакого тепла. Должно быть, так же сурово и ярко светило зимнее солнце, когда ещё существовали времена года, когда время отсчитывали месяцами и давали им имена.

Я сделала ещё несколько шагов вперёд и огляделась. Посередине и вдоль стен рядами стояли столы, а на всех столах — горшки, не меньше тысячи, пожалуй. Во многих была просто земля, и лишь в некоторых что-то росло. Я пошла вдоль рядов, осторожно прикасаясь рукой к торчащим из земли крохотным росткам. Они были тоненькими и хрупкими, как волоски на головке у Тома. Я увидела четыре кустика помидоров. Они изо всех сил тянулись к свету, но на веточках висели лишь крохотные зелёные завязи. Потом я наткнулась на ящик с надписью «Морковь», из которого торчала жидкая бледно-зелёная ботва. Я потянула одну морковку, она легко поддалась, и я вытащила на свет бледно-жёлтый корешок. На нём был нарост, какие бывают на моркови, он напоминал носик, из-за чего морковка походила на печального худенького человечка.

«Бедняжка!» — прошептала я.

Я пошла дальше. В углу стояли три маленьких грушевых дерева в кадках. Обычно дедушка приносил нам корзину груш, и мы, дети, распределяли их между собой, чтобы всем досталось поровну. Сочные спелые груши наполняли рот сказочным вкусом. Эти же наверняка были безвкусными. Маленькие и сморщенные, они, похоже, висели здесь уже давно. Я подняла руку и тихонечко коснулась пальцем одной из них. От прикосновения груша сорвалась с ветки и покатилась по полу.

«Ой, прости! — пробормотала я и подняла её с пола. — Прости!»

Я просила прощения у груши, ведь теперь ей никогда не вырасти большой, сладкой и сочной. Я застыла с грушей в руке, толком не зная, что мне с ней делать. Вдруг я услышала звук открывающейся двери и обернулась.

Дедушка. Вместе с ним ворвались ветер с дождём, и, пока он с усилием закрывал дверь, меня он не видел. Он нёс на плече мешок с землёй и как был, в мокрых тяжёлых сапогах, двинулся к одному из столов. Поставив мешок, он поднял голову. Тут-то он меня и заметил.

— Привет! — сказала я.

— Лилия? — удивился он.

— Да, это я.

Ведь ясное дело, это и вправду была я. Тут я вспомнила о горбушке хлеба и поспешила вытащить её из кармана.

— Вот. Ты забыл. Я стучала, но ты не отвечал, и я подумала, что ты не слышишь, что ты занят, вот я и вошла, потому что думала, ты проголодался, а оставлять хлеб мокнуть на улице я не хотела, ведь он бы превратился в кашу и стал совсем несъедобным.

Слова лились из меня потоком, но, пока я говорила, дедушкины глаза становились всё уже и уже, а между бровями пролегла глубокая морщина.

— Так-так, — произнёс он, когда я покончила со своими долгими извинениями. — Ну что ж, давай сюда свою горбушку.

Я подбежала к нему и положила горбушку на стол.

— Скажи мне, девочка моя, ты читать умеешь?

— Умею. Немножко.

Прежде у нас в деревне иногда проводили уроки. Когда у взрослых хватало на это сил. Но я уж и не помню, когда нас созывали в школу в последний раз. Похоже, смысла в том, чтобы мы научились читать и писать, никто больше не видел.

— Ну и что же написано на двери? — спросил дедушка.

— Посторонним вход воспрещён.

— А «посторонняя» тут ты.

— Знаю. Но ведь хлеб, он...

— Ах да, хлеб...

Повисла тишина, слышно было только, как ветер дребезжит стёклами теплицы.

— Ну ладно, — пробормотала я, — до встречи дома.

— Да, — ответил дедушка, — увидимся дома.

И я ушла. Ушла, не задав ни единого вопроса о тщедушных растениях или о том, где, собственно, настоящие дедушкины овощи и фрукты, те самые, вкусные, ароматные, яркие, единственная радость в деревне.

Пока я брела домой, ветер трепал мою одежду. Холодный воздух с дождём задувало под капюшон, и капли стекали по шее. Меня пробирала дрожь. По большей части потому, что я мёрзла, но и от стыда. Мне было стыдно, что я нарушила запрет, что дедушка рассердился на меня, и немного оттого, что я не посмела ни о чём спросить. Он же мой дедушка, чего мне его бояться, я же уже большая. Ну почему я не смогла выдавить из себя хоть пару вопросов? А уж отвечать или нет — его дело.

Я почти добрела до окраины, когда мне вдруг показалось, что за угол одного из домов метнулась тень. Я остановилась, отступила на шаг назад и попыталась разглядеть, есть ли там кто-нибудь, но никого не увидела.

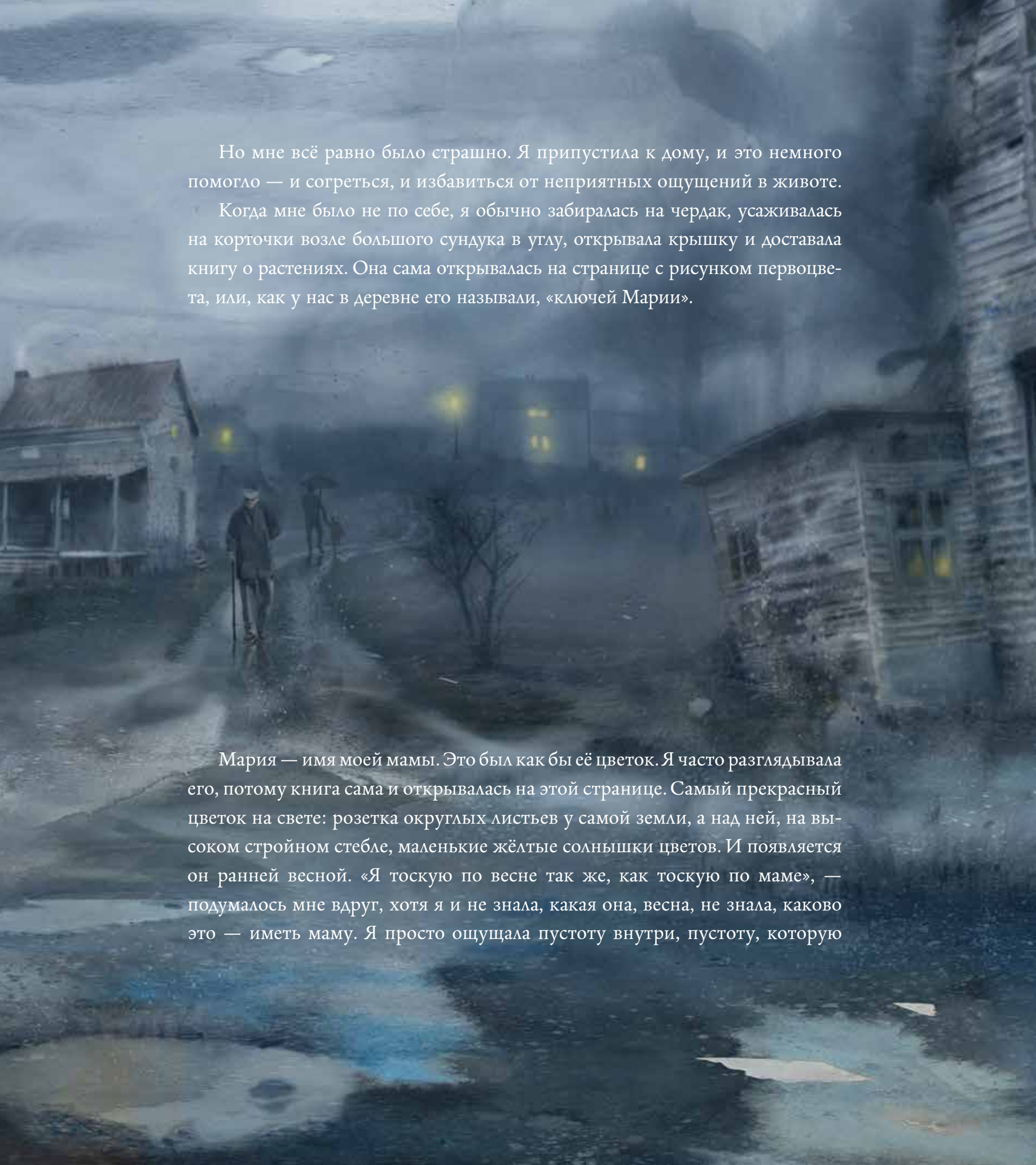
Я медленно двинулась дальше, но теперь меня просто трясло, и не столько от холода, сколько от странного ощущения, что кто-то следит за мной, что тень следует за мной по пятам уже давно, я же замечала что-то краем глаза и раньше, разве нет?

Такое чувство возникало у меня не впервые. Мне часто казалось, будто за мной кто-то подглядывает, за всем, что я делаю. Дома, в четырёх стенах, этого не случалось, а вот на улице — часто. Особенно вблизи леса.

Мне ни разу не удалось разглядеть тень как следует, и я сомневалась, надумала я себе всё это или за мной и вправду кто-то наблюдает. Но с какой стати? Зачем кому-то шпионить за моей скучной и однообразной жизнью? На это не было никаких причин, так что наверняка я всё придумала.

Но мне всё равно было страшно. Я припустила к дому, и это немного помогло — и согреться, и избавиться от неприятных ощущений в животе.

Когда мне было не по себе, я обычно забиралась на чердак, усаживалась на корточки возле большого сундука в углу, открывала крышку и доставала книгу о растениях. Она сама открывалась на странице с рисунком первоцвета, или, как у нас в деревне его называли, «ключей Марии».

Мария — имя моей мамы. Это был как бы её цветок. Я часто разглядывала его, потому книга сама и открывалась на этой странице. Самый прекрасный цветок на свете: розетка округлых листьев у самой земли, а над ней, на высоком стройном стебле, маленькие жёлтые солнышки цветов. И появляется он ранней весной. «Я тоскую по весне так же, как тоскую по маме», — подумалось мне вдруг, хотя я и не знала, какая она, весна, не знала, каково это — иметь маму. Я просто ощущала пустоту внутри, пустоту, которую

мне никак не удавалось заполнить, как бы крепко я ни прижимала к груди любимую книгу.

Тем вечером дедушка вернулся домой поздно. Когда его тень возникла в дверях, я уже лежала в постели. Он ничего мне не сказал, наверное, подумал, что я уже сплю, повесил куртку и подошёл к камину, где ещё теплился огонь, который я с трудом развела из мокрых поленьев к его приходу.

Отсвет пламени скользил по его лицу. Дедушка вовсе не страшный, подумала я, и спрашивать его обо всём, что меня интересует, вовсе не страшно. И ему решать, отвечать на мои вопросы или нет.

Я вылезла из постели, тихо подошла к камину, села рядом и протянула ноги к теплу. И тепло словно добавило мне смелости.

— Привет! — сказала я.

— Привет! — ответил дедушка.

— Приятно было повидаться сегодня днём, — сказала я, стараясь быть вежливой.

— Ну да, можно и так сказать, — пробормотал он и поднял на меня глаза. Его лоб снова прорезала глубокая морщина.

— Завтра овощной день, — сказала я. — У тебя, наверное, дел куча.

— Да, а что?

— Трудно, наверное, вырастить из всех тех крохотных ростков овощи всего за день.

Сперва дедушка ничего не ответил, а потом склонился ко мне и тихо прошептал:

— Эх, Лиля, Лиля...

— Ну да. Эх-эх-эх... Но как тебе всё же это удаётся?

Он поймал мой взгляд, глаза его сверкнули странным блеском. Моё сердце заколотилось.

— Сегодня ты раскрыла тайну. Увидела то, что не должна была видеть, о чём должен был знать только я.

В ответ мне удалось выдавить из себя лишь короткий взглас.

— Я не прошу тебя забыть всё, что ты видела, — сказал дедушка. — Знаю, это невозможно. Но я прошу тебя никому никогда об этом не рассказывать. Ни одной живой душе.

— Но... Почему?

— Потому что я тебя об этом попросил.

Я глубоко вдохнула и выпрямилась.

— Я считаю, это не объяснение.

— Понимаю. Но это единственное объяснение, которое я могу тебе дать.

Он обернулся, взял полено и бросил в камин, полетели искры, угли вспыхнули, и разгорелся огонь.

— Доброй ночи, Лиля! — сказал дедушка.

— Ладно, — ответила я. — Доброй ночи!

Дедушка выпрямился и посмотрел на меня. В его глазах не было злости. Только чёрная тоска.

— Иди спать.

И я сделала так, как он велел: поплелась к кровати и легла. Я лежала и наблюдала, как дедушка готовится ко сну и тоже ложится спать. Он повернулся лицом к стене и, очевидно, уснул, потому что вскоре, как обычно, раздался его громкий храп.

Мне уснуть не удавалось. Стоило закрыть глаза, как передо мной вставали хилые растеньица в теплице. Да, забыть их невозможно. Но я послушаюсь дедушку и не скажу о них ни одной живой душе. Обещание я сдержу.

Но ведь дедушка попросил меня только об этом — никому не рассказывать. Он не просил меня не пытаться выяснить, каким образом на бледных немощных ростках появляются крупные, свежие овощи и фрукты.

На следующий день перед дедушкиным уходом в теплицу мы распрощались как обычно.

— Что будешь сегодня делать? — спросил он, стоя в дверях.

— Пойду гулять, — ответила я.

— Вот и славно, — сказал он и ушёл.

До дедушкиного ухода я сидела на кровати, делая вид, что торопиться мне абсолютно некуда, но как только за ним закрылась дверь, я вскочила, быстро натянула свитер и юбку, впрыгнула в сапоги, накинула дождевик и бросилась вслед за дедушкой.

Когда я выскочила из дома, он отошёл уже довольно далеко. Следуя за ним, я старалась держаться на расстоянии. Шагал он споро, по пути приветственно махал рукой соседям, иногда его останавливали, видно, спрашивали, как дела с овощами и фруктами. Меня он не видел.

В конце концов он добрался до теплицы, вошёл и больше не выходил.

Я спряталась за деревом и стала ждать.

Я всё ждала, ждала. Из теплицы не доносилось ни звука.

Ноги у меня замёрзли, и стоять на месте больше не было сил. Я стала прыгать из стороны в сторону, но это не помогло.

В конце концов я подошла к двери, приложила к ней ухо и прислушалась. Тишина. Крадучись, я направилась вдоль теплицы к тому месту, где нашла щёлку между листами бумаги, которой изнутри была оклеена теплица, наклонилась и прижалась носом к стеклу, но ничего нового не увидела — всё те же горшки с землёй и тщедушные растения.

Я двинулась дальше, к задней стене теплицы. Там начинались плотные заросли кустарника. Подойдя поближе, я обнаружила, что через них к теплице ведёт узкая тропинка. В стене, наполовину скрытая кустарником, была ещё одна дверь. Задняя дверь, о существовании которой знал только дедушка?

Приблизившись, я приоткрыла её, заглянула внутрь и осмотрелась.

Как я и подозревала, в теплице не было ни души. То есть дедушка вошёл в переднюю дверь, о которой все знали, и вышел в заднюю дверь, о которой не знал никто. Я обернулась, чтобы проследить глазами, куда ведёт тропинка от двери. Она шла через пустырь за теплицей, но в зарослях вялой травы едва угадывалась. Не зная я о её существовании, я бы её и не заметила.

Подняв голову, я увидела, куда ведёт тропинка, — в лес.

Я поспешила через пустырь, думая, что ещё смогу нагнать дедушку. Чем ближе к лесу я подходила, тем медленнее становились мои шаги. Казалось, ели враждебно глядят на меня исподлобья, высокие и мрачные, тянутся ко мне своими ветвями, покрытыми острыми иголками.

Я остановилась.

Тропинка вилась меж стволов и исчезала в глубине леса. Дедушкина тропинка. След от его частых походов в лес. А если он постоянно туда ходит, наверное, там не так уж и опасно? Я никогда не представляла себе дедушку эдаким смельчаком или силачом. Он был обычным стариком, часто выглядел очень усталым и не любил всякие там объятия. Он, насколько я знала, не умел драться, стрелял неважно, да и быстро бегать не мог, я бегала куда быстрее. Так что, если в лесу и таилось что-то жуткое, чудище, там, со светящимися глазами, или ещё что, он этого не боялся.

Вернее, вдруг пришло мне в голову, может, он и боялся, но всё равно ходил в лес, потому что там было что-то ему очень нужное, без чего он обойтись не мог. Тогда он настоящий смельчак, а я настоящая дурочка, что увязалась за ним, ведь там можно погибнуть.

Стоять было холодно и сыро, изо рта шёл сероватый пар. Мне вспомнились глаза Тома, на худеньком личике они казались слишком большими. А вдруг тропинка ведёт туда, где есть еда и можно раздобыть Тому лишнюю морковку? Как же он обрадуется!

Я представила себе улыбающееся личико Тома — и вошла в лес.

Сразу же стало холоднее. Холоднее и тише. Мёртвые деревья поглощали звук шагов. Под ногами стелился мягкий тёмно-зелёный мох. Я наклонилась и оторвала кусочек, зажала его между указательным и средним пальцами и увидела, что зелёный ковёр состоит из отдельных растений, похожих на крохотные деревца. Мох растёт там, где ничто другое не растёт, прекрасно обходится без солнца, света ему почти не нужно — для нашего мира подходит идеально.

«Раз уж вам здесь не страшно, то и мне не страшно», — подумала я и, сжав крохотные растеньица в кулаке, пошла вперёд.

Тропинка сворачивала то в одну сторону, то в другую, плавно поднимаясь вверх. Если идти долго, то и до гор, вероятно, дойти можно. Среди ветвей проглядывало сумеречное небо. С деревьев срывались большие капли, но от дождя лес защищал. При звуке взлетающей птицы я каждый раз вздрагивала, но это были всего лишь вороны, нёсшие в клюве червяка. Вороны — птицы неприхотливые, едят что придётся, и они умные, учил меня дедушка, потому и выжили почти везде. Больше следов жизни я не наблюдала. Ни птиц, ни животных. Только мох, ёлки и взлетавшие с резким карканьем вороны.

Чем дальше в лес я заходила, тем труднее было различить тропинку, мох точно проглатывал её.

Всё чаще мне приходилось останавливаться, возвращаться немного назад, чтобы убедиться, что я иду по следам дедушки.

В конце концов тропинка и вовсе пропала. Я стояла в лесу, а передо мной был нетронутый мох. Я отступила на пару шагов назад в попытке найти тропинку, но её и след простыл. Я прошла ещё немного, осмотрелась, но, кроме собственных следов, ничего не увидела.

Дыхание перехватило, сердце в груди тревожно забилося. Я наклонилась, взяла две палочки, сложила их крестиком там, где стояла, и стала искать тропинку. Сначала я оглядела мох поблизости, вокруг сложенного креста, но тропинки не нашла, потом сделала круг побольше — ничего. Я увеличила круг ещё. В поисках тропинки я бродила, низко склонив голову и прищурившись, чтобы ничего не упустить. Ну она же точно была, я же по ней сюда пришла!

Ничего. Только мои собственные следы.

Я вернулась к палочкам. Я ужасно на себя сердилась. Не раздумывая, я отправилась в лес, надеясь раздобыть Тому морковку. Всё из-за этой морковки. А ещё из-за моего любопытства, это оно во всём виновато.

Я поддала ногой палочки, и они бесшумно разлетелись в стороны. До меня дошло, что случилось: тропинка пропала, я осталась одна в тёмном лесу и понятия не имею, как вернуться домой.

Я опустилась на мокрый мох и сразу почувствовала, что юбка сзади намочла, но мне было всё равно. Во рту пересохло, в животе бурчало от голода.

Скорее всего, я так и умру здесь, в одиночестве, в окружении мха и ворон. Я положила голову на руки, к горлу подступили слёзы.

«Всё, мне конец», — подумала я.

Вдруг краем глаза я заметила какой-то свет, зеленоватую вспышку. Я резко обернулась и увидела, что прямо на меня летит ярко-зелёное насекомое с жёлтыми глазами и прозрачными крылышками.

Стрекоза.

Чтобы не спугнуть её, я застыла на месте. На секунду она зависла в воздухе прямо передо мной, словно хотела удостовериться, что я её заметила, а потом полетела дальше. Я сидела не шелохнувшись, замороженная, и провожала стрекозу взглядом, пока та не скрылась меж стволов. Придя немного в себя, я вскочила на ноги.

Забыв обо всём на свете, я кинулась вслед за стрекозой. За толстым деревом я заметила слабое зеленоватое мерцание, длившееся всего долю секунды. Я побежала туда.

Стрекоза летала взад-вперёд, вверх-вниз, будто у её полёта не было цели, вернее, будто она искала что-то. Она напоминала собаку, которая в поисках мечется туда-сюда. И всё же стрекоза летела довольно быстро, и мне пришлось бежать, чтобы успеть за ней.

Насекомое трепетало в воздухе, цвет его был таким насыщенным, что всё зелёное, виденное мной раньше, казалось теперь лишь бледным подобием.

Я запыхалась и вспотела. В голову пришло, что мне надо бы повернуть назад и найти тропинку, но я отмахнулась от этой мысли: тропинку я всё равно потеряла, теперь у меня осталось только это удивительное насекомое.

И вдруг стрекоза пропала, будто лесная мгла поглотила её. Я пробежала чуть вперёд, потом назад. Ничего.

— Не-ет! — воскликнула я.

— Нет-нет-нет! — услышала я в ответ.

Я вздрогнула, но потом успокоилась. Я поняла, что я слышу.

— Нет! — крикнула я снова.

И мой голос ответил мне:

— Нет, нет, нет!

Эхо, моё собственное эхо.

«Если тут есть эхо, — подумала я, — то должна быть гора или что-то ещё, кроме этих деревьев».

Я поспешила туда, откуда раздавался звук моего голоса. Тут же появилась и стрекоза. Она зависла в воздухе, трепеща крылышками, прямо передо мной, словно хотела мне что-то показать. И точно — прямо за ней возвышался горный откос, такой крутой, что на него было невозможно залезть.

Стрекоза полетела вдоль каменной стены. Теперь она двигалась медленнее, и я спокойно попевала за ней. И я увидела, куда она направляется: в скале была расщелина, узкий проход, через который на эту сторону струился свет. И я ощутила запах, упоительный аромат.

Однажды у Теиной мамы мне довелось понюхать флакон духов. Он был пуст, но всё ещё хранил слабый аромат роз. Здесь тоже пахло розами, но гораздо сильнее, будто все цветы собрались вместе, чтобы создать лучшие в мире духи.

Я втянула носом этот запах, и он наполнил меня до краёв, я ощутила во всём теле необычайную лёгкость и тепло.

— Ох, — сказала я, но, видимо, совсем тихо, потому что эхо мне не ответило.

Я двинулась к проходу. «Такой прекрасный запах не может быть опасным», — подумала я и ускорила шаг.

Вдруг за спиной я услышала треск веток, а затем шаги. Я бросилась за кочку и затаилась.

Из леса показалась сгорбленная фигура. Дедушка. За плечами он нёс корзину для овощей и фруктов. Совершенно пустую. Он подошёл к проходу и опустил корзину на землю, потом сделал несколько шагов к просвету, наклонился и что-то поднял. Это была другая корзина, точь-в-точь такая же, как он принёс, но доверху наполненная овощами и фруктами.

Я зажала руками рот, чтобы подавить удивлённое «ах», но, вероятно, всё же издала какой-то звук, потому что дедушка выпрямился и посмотрел в мою сторону. Я вжалась в землю и замерла.

К счастью, вскоре послышались удаляющиеся шаги. Я снова выглянула. С корзиной за спиной дедушка уходил в том же направлении, откуда пришёл. Я сидела и слушала, как его шаги становятся всё тише и тише. Только когда они совсем затихли, я вышла из укрытия.

Я отчётливо видела, что дедушка ушёл по тропинке, которая исчезала в глубине леса, и теперь не сомневалась, что если я пойду по ней, то выйду к теплице и к деревне...

Я повернулась к расщелине. Аромат усилился. Он притягивал меня. Тут же я заметила и стрекозу, но теперь она была не одна. Вместе с ней в воздухе плясали две, нет, три другие: одна жёлтая, одна голубая и одна цвета морской волны.

Мне даже в голову не пришло повернуть назад и отправиться по тропинке вслед за дедушкой, в темноту. Ноги сами понесли меня в расщелину, к свету.

Проход был узким, но я и не думала бояться. На уступах росли цветы, и чем дальше я заходила, тем светлее становилось и тем красивее они были: голубые фиалки, белые смолёвки, жёлтые лютики. Я протянула руку и кончиками пальцев дотронулась до лепестков одного цветка. На ощупь — точно шёлк, не то что у засушенных цветов в моём гербарии.

Я пошла дальше и вдруг почувствовала, что почва под ногами изменилась. Я глянула под ноги и увидела, что вместо тёмно-зелёного мха иду по свежей траве. А волшебный аромат усиливался с каждым шагом.

Вдруг я слышала удивительные звуки. Они пробуждали во мне смутные воспоминания. Неужто я слышала что-нибудь подобное и раньше? Это же шелест листвы, ветер, колышущий траву. И пение птиц. Очаровательное щебетание, не то что крики ворон дома.

Проход расширился, я ускорила шаг и наконец вышла с другой стороны горной гряды. Я остановилась и застыла на месте.

— Ох, — сказала я, даже не пытаясь приглушить восклицание. — Ох!

Передо мной раскинулась зелёная цветущая долина. На глаза навернулись слёзы. Я поспешно утёрла их, потому как плакать тут было абсолютно не из-за чего.

Горы окружали долину со всех сторон, отчего она напоминала огромный зал. Высоко-высоко надо мной высилось серое небо, но его скрывала от глаз шелестящая на ветру листва стройных берёз. Луг был покрыт ковром разнотравья всех цветов и оттенков, какие я видела разве что в папином наборе красок. Тут были все растения из маминой книжки, я и не думала, что когда-нибудь мне доведётся увидеть их в реальности. Я поздоровалась с каждым, сорвала несколько цветов.

«Привет, дрёма! Здравствуй, незабудка!.. Как, и ты здесь, дягиль!»

Я пошла дальше, мимо яблони, на одних ветвях которой висели красные яблоки, а другие украшали большие белые цветы, похожие на сохнущую на ветру одежду младенца. Потом я увидела грушу, она тоже цвела и плодоносила одновременно, как и стоящая чуть поодаль слива. Я протянула руку и осторожно сорвала сливу.

Она была немного жестковата, ей бы повисеть ещё пару дней, но сдержаться я не могла и сразу надкусила её.

Я тут же узнала вкус, сладкий и в то же время кисловатый, истинное наслаждение. Эти сливы дедушка нам и приносил.

Я сорвала ещё одну. И ещё.

Съела первую, потом вторую, потом третью. А потом увидела круглые тёмно-синие ягоды черники, покатила их на ладони — они оставили на ней фиолетовый след — и проглотила. А за ней и малину, она была такая вкусная, что я не удержалась и стала приплясывать на месте.

В конце концов я опустилась на траву и сняла дождевик, ведь в долине было тепло, намного теплее, чем по другую сторону горной гряды.

Из травы выпорхнули бабочки. Мимо прожужжал толстый шмель, направляясь к большому яблоневому цветку. С ветки на ветку скакали белки. И вдруг я услышала кудахтанье.

Я обернулась. Из травы выскочили три дикие курицы, а вслед за ними — два белых кролика. Я не смогла сдержать улыбки. И хотя я была совсем одна, я не чувствовала себя одинокой. «Вот бы остаться здесь, — подумала я. — Переселиться в долину, к зверям, насекомым и птицам. Каждый день наедалась бы до отвала овощами, фруктами и ягодами. Как хорошо бы мне жилось, если бы всё здесь было моим».

Но стоило только подумать, как вдалеке послышался лай, а потом свист. Я была не одна. Я вскочила и стала тихонечко подбираться поближе.

Издали показался мальчик, примерно одного со мной роста и такой светленький, что его волосы казались почти белыми. Одет как садовник — в комбинезон с чёрными от земли коленками, на поясе болтались лопатка и грабельки. У него были добрые карие глаза и румяные щёки с ямочками. Он вкрадчиво ступал по траве. «Словно лис, — подумала я, — хитренький и осторожный, но не коварный». Мальчик совсем

не походил на детей у нас в деревне: такое впечатление, что он за всю жизнь ни разу не болел. За ним бежала маленькая собачка, и мальчик без умолку болтал с ней.

— За мной, Собака, за мной, угощу тебя вкусеньким, вот погляди!

Он сорвал несколько клубничек с грядки и стал одну за одной бросать собачке. Она ловила их на лету и весело виляла хвостом.

Потом мальчик сел на качели, висевшие на ветке дерева неподалёку, отклонился назад и принялся раскачиваться. Он качался взад-вперёд, и его волосы развевались на ветру. Собачка улеглась рядом и положила голову на лапы. Я тихонечко подглядывала из-за куста, и мне ужасно хотелось быть на месте этого мальчика, быть такой же счастливой.

Качался мальчик долго, с закрытыми глазами, и чему-то улыбался про себя, а я не могла оторвать от него взгляд.

Не успела я толком придумать, что делать дальше — уйти или попробовать заговорить с ним, как собачка вскочила и тихонько тявкнула. Мальчик открыл глаза.

— Пора? — спросил он.

Собачка тявкнула в ответ.

— Ну ладно, — вздохнул мальчик.

Он соскочил с качелей и направился вглубь долины, а я, стараясь идти как можно тише, поспешила следом.

Пока мы шли, растительность менялась на глазах: она становилась гуще, зелёный цвет — насыщенней, цветы — больше и ярче. Стало заметно теплее и светлее, как будто тепло излучали сами горы.

Мальчик пересёк долину и подошёл к горной гряде. Он тяжело вздохнул и сказал собачке:

— Ну что ж, за работу.

Я подкралась поближе и увидела в горе огромные железные ворота. Тепло и свет струились изо всех щелей. Почти на самом верху было запертое наглухо смотровое окошко. Мальчик взглянул на него и снова вздохнул, нагнулся и поднял что-то с земли. Когда он выпрямился, я увидела, что он держит в руках большие песочные часы. Мальчик перевернул их, и песок посыпался вниз. Он поставил часы на землю и поднял кое-что

ещё: большие рукавицы и шапку-маску из толстой тёмно-коричневой кожи. Мальчик надел их. Рукавицы защищали руки выше локтя, а маска покрывала всю голову, кроме глаз. Теперь вид у него был совсем недобрый.

— Готова? — обратился он к собачке.

Его голос под маской звучал глухо и странно.

Собака, слабо повизгивая, отбежала на несколько метров в сторону и легла под кустом.

Мальчик взял лестницу, стоявшую возле ворот, и полез к окошку. Забравшись наверх, он крикнул собаке:

— Открываю!

И я услышала громкий металлический лязг открывающейся дверки.

ГЛАВА

7

Из окошка хлынул яркий свет. Он осветил всю долину. Такого резкого света я ещё не видела. словно одновременно вспыхнула тысяча костров. Поначалу свет ослепил меня, и я закрыла лицо руками.

На окошко, вернее, на бьющие оттуда лучи, я взглянуть не решалась, но, постепенно привыкнув к свету, украдкой оглядела долину.

Моё тело окутало теплом, и появилось ощущение, будто я расту. То же самое, похоже, случилось и с растениями. Свет лился на них, и на моих глазах творились невероятные вещи: бутоны раскрывались, помидоры краснели, черника становилась иссиня-фиолетовой, апельсины на ветке наливались оранжевым цветом.

Я взглянула на мальчика. Он уже слез на землю и теперь сидел, не сводя глаз с песочных часов. Песка в верхнем сосуде оставалось всё меньше, время почти вышло. Вскоре мальчик поднялся, и когда весь песок перетёк вниз, он быстро взобрался на лестницу, схватился за створку и с силой захлопнул дверку.

— Фух! — воскликнул он, стягивая перчатки и маску. — Дело сделано. Теперь можно заняться чем хочется!

Собачка завиляла хвостом и тихо тявкнула.

— Чего ты хочешь? — спросил мальчик.

An illustration of a boy with blonde hair sleeping peacefully in a brown hammock strung between two large, dark tree trunks. The boy is wearing a green jacket over a red and white striped shirt. The ground is covered in a dense field of small, colorful flowers in shades of yellow, orange, and white. In the lower center, a small brown dog is curled up and sleeping on the grass. The background is a soft, hazy landscape with green foliage and a bright, glowing light source, possibly the sun or moon, creating a warm, dreamy atmosphere.

Собака, продолжая вилять хвостом, зевнула.

— Согласен, — сказал мальчик. — Я тоже страшно устал.

Они направились к небольшой рощице, где среди деревьев виднелся гамак. Собачка покрутилась на месте и устроилась под гамаком, а мальчик зевнул и залез в него.

— Спокойной ночи, — произнёс мальчик, — вернее, дня!
И закрыл глаза.

Я стояла и не знала, что предпринять. В конце концов я осмелилась подойти поближе.

Мальчик лежал на спине, сложив руки на животе. Дышал он ровно, как дышат во сне.

Собака тоже спала, свернувшись клубочком и мирно посапывая. Сторож, похоже, из неё никудышный.

Я подкралась и стала рассматривать мальчика. Волосы взъерошены, пострижены кое-как. Видно, он стриг себя сам. Щёки пухлые и румяные. На носу веснушки. Я знала только одного человека с веснушками — маму Теи, но она была рыженькой,

а рыженьким веснушки, очевидно, достаются от рождения. Ни у кого из детей в деревне веснушек не было, а уж румяных щёк тем более. Мальчик показался мне очень красивым, и мне захотелось быть такой же, как он, — румяной и с веснушками. И такой же ладной и справной. Сама я была словно тростинка, как, впрочем, и остальные дети у нас в деревне. Тонкие тростинки на ветру. Мальчик же больше напоминал крепкий росток с толстым стеблем... Или нет, скорее маленькое деревце. Крепкий дубок, которому не страшны ветра и непогода.

Вдруг откуда ни возьмись с громким назойливым жужжанием появилась муха. Она явно нацелилась на веснушчатый нос мальчика. Не успела я и глазом моргнуть, как она туда уселась, и мальчик смахнул её. Муха метнулась в сторону, но не улетела, а стала кружить над ним. Сдаваться в её планы, похоже, не входило. Она снова взяла курс на лицо мальчика и теперь уселась ему на лоб.

Мальчик распахнул глаза и увидел меня.

— А-а-а! — закричал он и вскочил.

Собачка залаяла и выскочила из-под гамака.

— Ой, прости! — воскликнула я и отскочила в сторону. — Прости!

Собачка зарычала.

— Собака, нельзя! Место! — скомандовал мальчик.

Такого прыткого зверька я ещё не видела. С недовольным ворчанием собачка села у ног мальчика.

— Прости! — повторила я.

— Ты уже это говорила, — сказал мальчик. — И даже два раза. Нет, уже три.

— Да, — согласилась я.

— Но тебе не за что просить прощения.

Он сделал шаг ко мне.

— А ты... ты всамделишная? Я имею в виду... ты и в самом деле существуешь?

— Ага. Пожалуй, что так.

Мальчик почесал затылок и призадумался, как будто не верил собственным глазам.

— И откуда ты взялась? — спросил он.

— Из леса, — ответила я.

Мальчик протянул руку и осторожно коснулся моей руки, а потом неожиданно ущипнул меня за щёку.

— Ой! — вскрикнула я.

— Мне просто нужно было проверить, на самом ли деле ты настоящая, — сказал он и улыбнулся. — Ты человек! Взаправдашний человек!

— Определённо. Я самая что ни на есть настоящая.

— Но какая же ты худенькая! — воскликнул он и нахмурил брови. — Одни косточки!

Мальчик потянулся к маленькой пальме и сорвал банан.

— На вот, держи.

Я взяла и стала жадно есть. Себе он тоже сорвал банан и с набитым ртом произнёс:

— Уги-удей-я-ниоа-дешь-не-виел.

— Что-что?

Он поспешно проглотил банан.

— Других людей я никогда здесь не видел.

— Правда? Никогда-никогда?

Мальчик покачал головой.

— И ты живёшь здесь совсем один?

— Ну, у меня есть собака. И куры, и кролики, и все другие звери.

— Это немного грустно, разве нет?

— Да нет, в целом нормально.

Мальчик добродушно улыбнулся карими глазами. Было и вправду похоже, что он верит в то, что говорит. Во всяком случае, почти.

— Кстати, то, что я никогда не видел других людей, не совсем правда. Раз в три дня ко входу в долину приходит старик. Я должен собирать ему полную корзину овощей, фруктов и ягод. Я собираю всё, что созрело, до единого яблочка, до единой морковки. Себе беру только то, что нужно на пропитание нам с собакой, остальное отдаю ему. Но мне нельзя показываться ему на глаза, поэтому, когда он приходит, я всегда прячусь... Хотя, кажется, однажды старик видел меня, когда прошёл по проходу дальше, чем следует.

— Это мой дедушка, — сказала я. — Он носит еду всей деревне, где мы живём.

— Твой дедушка?!

— Да.

— Счастливая! У тебя есть дедушка.

— Да.

Я не нашлась, что ещё на это ответить, и задала вопрос, который не давал мне покоя:

— А что там, за воротами?

Мальчик склонил голову набок.

— Угадай!

— Не, так нечестно.

— Ну давай!

— Что-то очень-очень жаркое, это я почувствовала.

Он ободряюще кивнул.

— Огромная печь? — предположила я.

— Нет. Это было бы слишком просто.

— Дракон? — спросила я и почувствовала, что мне стало как-то страшновато.

— Ты веришь в сказки? — мальчик хмыкнул. — Попробуй ещё разок!

Я пожала плечами.

— Как я угадаю? Это может быть всё что угодно.

Мальчик вздохнул.

— Вижу, загадки отгадывать ты не мастерица.

— Пожалуй, так и есть.

— Я дам тебе подсказку. В горé прячется то, что раньше было на небе.

Моё сердце ёкнуло.

— Не может быть! — воскликнула я.

— Может, — улыбнулся мальчик.

— Ты имеешь в виду...

Мальчик кивнул.

— Да, за воротами прячется солнце.

Я уставилась на мальчика.

— Само солнце?

— Да, само солнце.

— Это невозможно.

Он пожал плечами.

— Ещё как возможно.

Мальчик обвёл рукой долину.

— Погляди вокруг. Главное — открывать окошко в воротах не чаще двух раз в день. Тогда растениям хватает света и тепла.

— Ого! — только и смогла произнести я.

Вдруг мальчик тряхнул головой.

— Кажется, банан вовсе не помог. Ты всё такая же худая и бледная. Пойдём-ка!

Мальчик взял меня за руку и потащил по тропинке вдоль горной гряды. Держал он меня довольно крепко, будто боялся, что я сбегу, а другой рукой указывал на то, что хотел мне показать.

— Смотри, у меня есть и обычные апельсины, и красные, и даже мандарины. А здесь овощи. Я выращиваю морковку, кольраби, капусту и массу картошки, естественно. Её много не бывает.

— Она вкусная, — проговорила я.

— Что именно?

— Твоя картошка. Мы едим её раз в три дня. С солью. А иногда с маслом, когда оно есть.

— Приятно слышать, спасибо!

Мальчик заговорил как взрослый, его щёки покраснелись.

— А какая тебе нравится больше? «Пимпернель», «Амандин», «Олева»?

— Чего-чего?

— Ну, какую картошку ты больше любишь? «Пимпернель», «Амандин», «Олева»? Это сорта.

— Не знаю. Картошка и есть картошка.

Мальчик строго посмотрел на меня.

— Картошка — это не просто картошка.

— Наверное. Но я всегда такая голодная, что не успеваю подумать о том, какова еда на вкус.

Он медленно кивнул.

— Оно и видно. В смысле, что ты часто ходишь голодная.

Мальчик нагнулся, выдернул из земли несколько морковок, подошёл к речке, протекавшей неподалёку, и помыл их.

— Начнём с них, — сказал он и протянул мне морковь. — Ты пока ешь, а я ещё соберу. Ешь сколько хочешь.

— Но разве это не твоя еда? — опешила я.

— Мне тут тоже хватит, — ответил он.

И я принялась за еду. Сладкая морковь, хрустящая кольраби, сочные дольки апельсина. Я положила на язык пару черешен, покатала их во рту

и надкусила. Рот наполнился сладким соком, мякоть на вкус была божественна. В конце концов я выплюнула косточки на траву. Впервые, сколько себя помню, я смаковала еду. И как только я расправлялась с одним, мальчик приносил мне что-нибудь другое.

Ела я долго, очень долго, пока не почувствовала необычное ощущение в животе.

Насколько я помнила, прежде оно возникало у меня всего пару раз.

Я была сыта. По-настоящему сыта.

Держась за живот, я откинулась на траву.

— Ещё горсточку ежевики? — спросил мальчик и протянул мне несколько чёрных блестящих ягод.

— Ох, я больше не могу, честное слово! — ответила я. — Если я ещё что-нибудь съем, я лопну.

— Уверена? Я хочу, чтобы ты наелась досыта. Как я наедаюсь каждый день.

— Я правда наелась, — улыбнулась я.

Мальчик улыбнулся в ответ и сел рядом. Он развлекался тем, что подкидывал ягоды и ловил их ртом. Кинул он парочку и собаке. Ей эта игра явно нравилась, потому что она радостно виляла хвостом.

Я села и стала украдкой разглядывать мальчика сбоку. Нос у него был вздёрнутый, такой весёлый и любопытный, словно приглашал к приключениям. Мне ужасно нравился его нос. Впрочем, в мальчике мне было симпатично всё без исключения. Так мне ещё никто никогда не нравился.

— Ты жил здесь всегда? — поинтересовалась я.

— Нет, — сказал он и закинул в рот последнюю ягоду.

— А откуда ты тогда?

Мальчик резко отвернулся, и я не могла видеть его глаз.

— Не помню. Помню только, что попал сюда очень маленьким. Наверное, Хранительница солнца нашла меня в лесу и принесла сюда.

— Хранительница солнца?

— Она спасла мне жизнь. Я прятался под деревом, был совсем один, и она спасла меня. Больше я ничего не знаю.

— А кто такая эта... Хранительница?

Мальчик повернулся и уставился на меня так, будто я спросила о том, что все на свете знают.

— Хозяйка солнца. Это её долина, её растения. А я её садовник.

Он словно говорил о вещах само собой разумеющихся.

— Да, но в лесу-то ты как оказался? Наверное, ты прятался там не без причины. И эта Хранительница... Говоришь, она хозяйка солнца? Но как такое возможно?

У меня было ещё много вопросов, но мальчик прервал меня.

— Она спасла меня, — повторил он. — И поселила здесь, в лучшем на свете месте. Она и о собаке позаботилась.

Мальчик почесал собачку за ухом, и та завиляла хвостом.

— Мои обязанности — ухаживать за грядками, два раза в день открывать окошко в воротах и раз в три дня собирать корзину старику. Хранительница приходит и уходит, когда ей вздумается. Я никогда её ни о чём не спрашиваю. Так было всегда, и всегда так будет, говорить тут не о чем.

— Как же не о чем? — возмутилась я. — Тебе ведь, должно быть, интересно, как выглядит мир снаружи, откуда ты родом и...

— Нет, — резко оборвал меня мальчик. — Неинтересно.

— Ну, нет так нет, — вздохнула я, и тут мне в голову пришла мысль. — Может, твоё имя подскажет, откуда ты?

— Имя?

— Ну да. Как тебя зовут?

— Мальчик. Меня зовут Мальчик.

— Мальчик? Но ведь так не бывает, у человека должно быть имя.

— До сих пор проблем не возникало.

— А собаку как зовут?

— Собака, ясное дело.

— Хм, — я даже не нашла что сказать.

И Мальчик, видимо, тоже, поэтому какое-то время мы сидели молча.

— А Хранительницу солнца, очевидно, зовут просто Хранительница? — предположила я.

Он кивнул.

— И больше о ней ты ничего не знаешь?

Мальчик повернулся ко мне и склонил голову набок. Он явно не знал, что ответить.

— Так что? — спросила я.

— Знаю, что она грустит, — медленно проговорил он. — Всё время. В её глазах бесконечная печаль. И потому лучше к ней не приставать.

— А ещё что?

— Чаще всего она приходит сюда поспать. Вон там у неё есть гамак, — Мальчик кивнул в сторону зарослей неподалёку от ворот. — Бывает, она не появляется по нескольку дней. Думаю, она бродит по лесу, в полном одиночестве. Наверное, это приносит ей облегчение.

Мальчик ненадолго задумался.

— Хотя не знаю... Она возвращается такой же печальной, как и была.

— Хм. По идее, если ты хозяйка солнца, нужно — радоваться. Я бы, во всяком случае, радовалась.

— Хранительница никогда не радуется. Только сердится. Страшно сердится. — Мальчик испуганно вздрогнул. — Правда, такой я видел её всего пару раз, но... готов на всё, чтобы это больше не повторялось. Мне она ничего не сделала, но... Она же хозяйка солнца, тут уж не до шуток.

ГЛАВА

9

Собака залаяла, и Мальчик поднялся — настало время открывать окошко в воротах. Мы распрощались.

— Приходи снова, — сказал он. — Как можно скорей.

— Уверен?

— Да! Если хочешь, конечно.

— Ясное дело, хочу.

И правда, мне ничего так не хотелось, как быть здесь, в тёплом солнечном саду, есть досыта, играть с собачкой и болтать с Мальчиком.

— Давай завтра? — предложил он.

— Давай! — улыбнулась я.

Я отправилась через узкий проход обратно и вышла по другую сторону горной гряды. На секунду я остановилась, и из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Передо мной стоял мрачный лес, стена из тёмных стволов и колючих веток. Здесь начинался мой печальный мир.

Найти тропинку не составило труда, и я пошла по ней. Тепло долины осталось лишь воспоминанием: ни жужжания насекомых, ни пения птиц,

ни кудахтанья кур больше слышно не было, чудесные ароматы сменил сырой запах гниения.

Дождь усилился, с веток закапало. У меня промокли ноги, и капли дождя потекли за шиворот плаща. Я надела капюшон и затянула его завязками так плотно, что мне была видна лишь утоптанная тропинка впереди. Слышала я только капли дождя, стучавшие по дождевику.

Шла я довольно быстро, хотелось поскорее оказаться дома, пока я окончательно не промокла. Вдруг кто-то крепко схватил меня за плечо и остановил. Сердце ёкнуло, я рывком высвободилась, обернулась и увидела её.

Это была Хранительница солнца.

Не знаю, откуда она взялась, шла ли за мной следом или подкарауливала меня, но теперь она стояла прямо передо мной, так же тихо и неподвижно, как деревья вокруг.

От Хранительницы пахло костром, копотью, пожаром. Одежда висела на ней обгоревшими чёрными лохмотьями. А глаза... Они светились на почерневшем от копоти лице жутковатым блеском. Я узнала этот взгляд, который чувствовала на себе всякий раз, когда мне казалось, что кто-то тайком крадётсЯ и подглядывает за мной.

Так вот кто за мной шпионил.

Мы стояли друг напротив друга, не произнося ни слова. Меня бросало то в жар, то в холод, от страха сердце бешено колотилось.

«Она может рассердиться, — думала я. — Страшно рассердиться. Нельзя её злить. Нельзя ни говорить, ни делать ничего, что бы её рассердило».

Хранительница обошла меня и встала на тропинку, чтобы я не смогла проскользнуть мимо.

— Ты виделась с Мальчиком, — проговорила она, и голос у неё был сиплый и скрипучий, будто она им редко пользовалась.

— Да.

Хранительница медленно кивнула.

— Ладно. Я не против.

— О! — воскликнула я. — Как хорошо! — И поторопилась добавить: — Спасибо!

Она смотрела на меня в упор. Я попыталась заглянуть ей в глаза, но не выдержала её горящего взгляда. Он причинял мне боль.

— Можешь навещать его, — тихо сказала она. — Можешь есть там и общаться с ним.

— Спасибо! — пробормотала я снова, потому что не знала, что ещё сказать.

Хранительница всё не отрывала от меня своего горящего взгляда, сверлила меня глазами насквозь, будто пыталась разглядеть, кто я такая, изучить меня целиком и полностью. И теперь я понимала, что имел в виду Мальчик, когда говорил, что Хранительница грустит. За языками пламени, бушевавшего в её глазах, я увидела бесконечную печаль, будто во всём огромном мире не существовало ничего доброго и хорошего. Я физически ощутила эту скорбь, это отчаяние. И мне захотелось поскорее сбежать от Хранительницы, захотелось домой, к бабушке.

— Мне пора, — пробормотала я. — Меня ждут.

Хранительница кивнула и наконец отвела взгляд. Она отступила в сторону, освободив мне проход.

Я сделала осторожный шаг ей навстречу, потом ещё один, а потом пропустила мимо неё, как мышшь, спасающаяся от голодной лисы.

— Конечно, тебе хочется поскорее убежать от меня, — сказала она.

Я обернулась.

— Нет, что вы, — соврала я.

— Беги, беги домой.

И тут глаза её снова загорелись диким огнём, и она рывкнула грозным голосом:

— Только помни одно!

— Да?

— Никому ни слова о долине. Поняла? Ни одной живой душе.

— Хорошо. Клянусь!

В одно мгновение Хранительница словно выросла, будто взвился ввысь костёр.

— Никому! Слышишь? Никому!

— Обещаю!

И я бросилась прочь. Что было сил я бежала по лесу, пока вдалеке не показались огни деревни и дедушкина теплица. Я остановилась посреди пустыря перевести дух.

Мне хотелось поскорее забыть Хранительницу с её жутким взглядом, вытеснить из памяти или запрягать куда-нибудь глубоко-глубоко и никогда больше не вспоминать. Но запах дыма и пожара ещё долго стоял у меня в носу, как будто Хранительница стала частью меня. Только когда я легла в постель тем вечером, мне удалось переключить свои мысли. Я устроилась поудобнее, закрыла глаза, и передо мной возникло лицо. Нет, не Хранительницы, а Мальчика. Его добрые весёлые глаза и румяные щёки. Я засыпала с улыбкой, словно улыбалась ему.

Не было на свете места лучше, чем долина, человека лучше, чем Мальчик, животного лучше, чем Собака.

На следующее утро я бежала по тропинке через тёмный лес, боясь потерять её, боясь снова встретить Хранительницу, но день спустя путь дался мне проще, я двигалась увереннее и спокойнее, а на третий день я даже находила в себе смелость останавливаться по дороге, чтобы передохнуть.

По утрам Мальчик и Собака встречали меня у горного прохода. Собака сидела спокойно и ждала, а при виде меня вскакивала, виляла хвостом, тыкалась носом в мою ладонь, прижималась к ногам, приглашая почесать её за ушком. Мальчик расплывался в улыбке и звонким голосом восклицал: «Привет! Вот наконец и ты!» — словно боялся, что я больше не появлюсь. С собой он всегда приносил немного овощей и фруктов. Он ведь знал, что я голодна. Я убеждала его, что мне много не нужно, поскольку понимала, что он отдаёт мне свою еду. На это он только отмахивался: «Я ел досыта всю свою жизнь. Тебе еда нужнее». Потом мы гуляли по долине, и я не переставая жевала.

Днём я помогала Мальчику ухаживать за грядками и собирать ягоды и фрукты. Мы носились наперегонки с кроликами и кормили их листьями одуванчика. Мы искали по саду свежие яйца и потешались над курами, которые бегали с вытаращенными глазами, расправив крылья, и безуспешно пытались взлететь. Хоть летать куры и не умели, зато исправно несли яйца с яркими, как солнышко, желтками.

По вечерам, перед моим уходом, мы с Мальчиком садились под самой большой яблоней в саду. Мы запрокидывали головы и рассматривали висящие над нами яблоки. Они были разных цветов: красные, жёлтые, зелёные. На одних ветках яблоки почти созрели, на других ещё только завязались, а остальные ветви были покрыты лёгкими белыми цветами, меж которыми сновали шмели и пчёлы. Собака, уставшая от игр и работы, ложилась между нами. Мы гладили её, чесали за ухом, а она прикрывала глаза и слабо помахивала хвостом.

Так прошла неделя.

На восьмой вечер, когда мы, как обычно, сидели под яблоней и гладили Собаку, кое-что произошло. Возможно, кому-то покажется, что ничего особенного и не случилось, но для меня это было важное событие. А произошло вот что. Наши руки невольно соприкоснулись. Я смутилась и хотела отдернуть руку, но Мальчик удержал её. Мы долго сидели, держась за руки

и не говоря ни слова. Его ладонь согревала мои холодные пальцы, и тепло пропитывало каждую клеточку.

Потом, когда я шла домой через лес, лил проливной дождь, капли барабанили по капюшону, вода проникала сквозь швы дождевика, но это было нестрашно, потому что меня до сих пор согревало тепло долины, в животе я ощущала приятную сытость, а главное — мне казалось, что рука Мальчика всё ещё сжимает мою.

«Завтра я снова вернусь туда, — думала я, — и послезавтра, и послепослезавтра. И так будет всегда».

Однако тем же вечером, уже дома, у меня возникло предчувствие, что скоро всё изменится и эти перемены неизбежны.

Мы с дедушкой сидели у камина, и я уже было собралась идти спать, когда почувствовала на себе его пристальный взгляд. Свет огня падал мне на лицо, и дедушка внимательно изучал его, будто обнаружил там что-то необычное.

— У тебя веснушки, — вдруг произнёс он.

— Что? Да нет, тебе показалось.

— Раньше у тебя никогда их не было.

— Да у меня и сейчас их нет.

Дедушка поднялся и сходил за зеркальцем, висевшим обычно у нас на стене.

— Вот, взгляни сама.

Он сунул зеркальце мне в руку.

— Не вижу никаких веснушек, — сказала я, едва заглянув в него.

— У тебя появились веснушки, Лиля. Раньше их не было.

Дедушка продолжал пристально смотреть на меня.

— И щёки у тебя округлились.

— С чего вдруг. Я такая же худая, как прежде.

— Нет, ты поправилась.

И вдруг подозрительная мина сменилась столь редкой на его лице улыбкой.

— Ты выросла! — воскликнул он. — Вот в чём дело! Я уж думал, ты совсем перестала расти. Как же хорошо, что ты растёшь, милая моя девочка!

— Пожалуй, ты прав, — с облегчением выдохнула я. — Я расту, это же естественно, скоро стану совсем взрослой.

Дедушка усердно закивал:

— Так и есть, Лиленька! Ты будто с языка у меня это сняла. Впереди у тебя юность... Весна жизни, да...

И словно про себя добавил:

— Подумать только, ты действительно растёшь, несмотря ни на что.

— Представь себе.

Я поспешно встала, подошла к стене и повесила зеркальце на место. Мне не нужно было долго разглядывать себя в зеркале, чтобы увидеть, что у меня появились веснушки и округлились щёки. Каждый божий день, когда Мальчик открывал окошко в воротах, я была так близко к солнцу. Каждый божий день я ела досыта. Неудивительно, что я выросла.

Мне сразу захотелось объяснить всё дедушке, рассказать о долине, о Мальчике и даже о том, как мы держались за руки. И заодно расспросить его, что знает он. Ведь дедушка, он... Хотя Мальчик и сказал, что дедушка всегда забирал корзину с овощами с тёмной, холодной стороны горной гряды и дальше не заходил, он всё равно должен был знать о существовании долины. А о Хранительнице он знал?

Но я не могла ничего объяснять, спрашивать или рассказывать. Ничегошеньки. Ведь я дала Хранительнице слово, и это обещание я нарушить не смела.

До разговора с дедушкой я стрелой пролетала по деревне и бежала в лес, но на следующий день я шла медленно.

Том и Тея играли у ручья. Вернее, играл Том, а Тея, как и планировала, строила большую мельницу. Во рту она держала гвозди, в руках — молоток. Сосредоточенно наморщив лоб, она колотила изо всех сил, сбивая доски.

— Привет! — крикнула я, останавливаясь.

— Привет! — ответил Том.

— Ты где пропадаешь? — спросила Тея. — Тебя что-то совсем не видно.

— Да так, бродила повсюду.

— И как там, повсюду, интересно?

— Ну да.

— В любом случае намного интереснее, чем строить мельницы, как я понимаю.

— Да нет, что ты, я не приходила вовсе не поэтому, — пробормотала я.

Тея тремя крепкими ударами забила ещё один гвоздь.

— А у меня новая лодка! — вклинился в разговор Том и показал мне небольшой кусочек коры.

— Красивая.

В ответ он громко шмыгнул носом.

Тея вся ушла в работу и больше на меня не смотрела.

— Ну ладно, удачи вам! — сказала я.

— Уже уходишь? — спросил Том.

Я кивнула.

— Да, мне пора. Пока!

— Пока! — вздохнул Том.

Я пошла дальше, не оглядываясь. Но я слышала, что Тея колотит ещё усерднее и громче. И с каждым ударом молотка моё сердце сжималось.

Она же была моей подругой, и мне по-прежнему хотелось дружить с ней, хотя я толком не знала, чем мы можем заняться вместе. И потом... Больше

всего мне хотелось в долину, где были еда, Мальчик и Собака. Мне хотелось в тепло, к солнечному свету.

У меня наконец появилось место, куда я могла сбежать от всего. Прочь из нашего тесного домишки, из деревни, от её одетых в мешковатые дождевики и едва волочивших ноги в тяжёлых резиновых сапогах обитателей, с тёмными, как дождевые тучи, синяками под глазами. Так я, во всяком случае, думала поначалу, но теперь мне к ногам будто прицепили гири. Чем дальше в лес и ближе к долине, тем тяжелее было идти, будто я увязала в болоте. Я не могла забыть узкое личико Тома с покрасневшим от вечного насморка носом и бледные впалые щёки Теи.

«Несправедливо, что я одна хожу в долину, — думала я, — ем сколько хочу и греюсь в лучах солнца. Несправедливо, что всё достаётся только нам с Мальчиком, а жители деревни так и прозябают в вечных сумерках. Так быть не должно, так больше продолжаться не может».

И как только я додумала эту мысль до конца, в ногах будто прибавилось прыти. Я припустила через лес, миновала проход и ворвалась в долину.

Мальчик как раз пропалывал кудрявую капусту и, когда увидел меня, просиял.

— Лилия, иди скорей, попробуй. Вкуснятина!

— Даже не собираюсь! — выпалила я.

— Что-что?

— Мы должны поделиться с остальными!

Мальчик согласно кивнул.

— Давай поделимся. Я положу кудрявую капусту в корзину вместе с другими овощами.

— Я имею в виду, поделиться не только капустой, а всем, — я обвела рукой долину. — Овощами и фруктами. Всем, что здесь есть. С детьми в деревне.

Мальчик встал и в растерянности уставился на меня.

— Но мы же делимся, отправляем им корзину... Я собираю туда всё самое лучшее, самое зрелое, я же рассказывал тебе.

В его голосе послышались нотки раздражения.

— Нет, я имею в виду всю долину, — уточнила я.

— Чтобы все пришли сюда? — переспросил он.

— Да!

— Но это невозможно.

— Почему это?

— Ты же сама знаешь. Из-за Хранительницы.

— Да, ты прав. На самом деле это не поможет.

— Вот именно, — с облегчением сказал Мальчик.

— Нет, ты не понимаешь, — сказала я и подошла к нему поближе.

Поначалу я, похоже, и сама не совсем понимала, куда клоню, но, пока я говорила, мне стало совершенно ясно, что нужно делать.

— Не надо делиться овощами и фруктами или звать всех сюда, раз проку от этого никакого.

Мальчик слушал меня в полной растерянности.

— Тому и Тее, бабушке и всем остальным по-настоящему поможет только одно, — я заговорила громче. — Мы должны открыть ворота.

— Открыть ворота? — срывающимся голосом повторил за мной Мальчик.

— Да. Мы откроем ворота и выпустим солнце на свободу.

— Нет, — отрезал Мальчик, повернулся и зашагал прочь от меня. — Нет, нет и нет.

Собака потрусила следом, не сводя с него глаз и поскуливая. Она, видно, испугалась его гнева.

Я побежала за ними.

— Только послушай, я подумала...

— Ты совсем не подумала, — он резко обернулся и будто оскалился на меня. — Ты даже не представляешь, о чём говоришь.

— Без солнца еды на всех не хватит.

— Ну и пусть.

— Вот я и подумала, — слова будто полились из меня рекой, — как это несправедливо, как неправильно. Никто не вправе властвовать над солнцем. Солнцем владеть нельзя!

Мальчик опустился на колени и с остервенением накинулся на грядку. Похоже, он даже не замечал, что делает.

— Хранительница спасла мне жизнь! — воскликнул он, вырывая из земли морковку. — И вот этим, — он помахал пучком моркови у меня перед

носом так, что комки земли разлетелись в разные стороны, — она спасает жизнь людей в деревне.

— Возможно, — откликнулась я. — Но этого недостаточно. И кроме того... — Я показала на ворота в горе. — Солнце нельзя держать в заточении, оно должно быть на небе, а не в пещере.

— Много ты понимаешь про солнце! — огрызнулся Мальчик и отшвырнул морковь, едва не попав в Собаку, хорошо, что та успела отскочить.

— В каком смысле? — От злости меня прошиб пот.

— Хранительница заточила солнце в горе не просто так. На это у неё есть причины. Она знает больше нас.

— Даже если у неё и есть причины, то они дурацкие. Ни одной достойной причины нет и быть не может.

Глаза мальчика сузились от злости.

— Я доверяю ей больше, чем какой-то маленькой девчонке, — тихо проговорил он.

— Я не маленькая!

— Такая же маленькая, как я. Мы просто дети и многого не понимаем.

Я набрала воздуха, хотела ещё что-то сказать, но нужных слов не нашлось. И хотя я была ребёнком, одно я знала наверняка: всё это неправильно. Но Мальчик явно не хотел этого видеть. Всю свою жизнь он провёл в долине, у него всегда было вдоволь еды, света и тепла. Он не представлял, каково это — жить иначе, каково людям в деревне.

Я взяла Мальчика за руку.

— Вставай. Пойдём.

— Куда?

— Со мной в деревню.

— Что? Нет...

— Да. Ты должен их увидеть, моих друзей, Тома и Тею.

Собака осторожно подошла к Мальчику, потёрлась о его ногу и подняла на него глаза. Мне показалось, взгляд у неё просящий, будто она всё поняла и просит его прислушаться ко мне.

Мы шли по лесу, собака убежала вперёд. Всю дорогу я крепко держала Мальчика за руку, я боялась, что, если отпущу, он убежит обратно в тёплую светлую долину.

По большей части он молчал и смотрел по сторонам.

— Как здесь темно. И пахнет плохо.

Он оглядывал возвышающиеся над нами мёртвые деревья, влажный покрывающий землю мох, который душил всю прочую жизнь. Каждый раз, когда над нами с криком пролетала ворона, он вздрагивал. Собака лаяла на ворон, показывая, что она настороже, но Мальчику всё равно было явно не по себе.

— Тебе нужно почаще выбираться из долины. Смотреть, как живут другие, — сказала я.

Он ничего не ответил.

В конце концов впереди показался просвет.

Мы пересекли пустошь и подошли к теплице. За оклеенными бумагой стёклами маячила дедушкина тень.

Собака не отрывала носа от земли, старательно обнюхивая всё и вся — мир за пределами долины

был ей в новинку. Мальчика же приходилось тянуть за собой за руку. Шёл мелкий дождь, и Мальчик дрожал от холода.

— Вот, надень, — сказала я, стаскивая с себя дождевик. — Натяни капюшон поглубже. Будем надеяться, никто не обратит на тебя внимания.

По колее мы дошли до деревни. Слабый свет из окон поглощала темень вокруг. Время было обеденное, и через окна мы видели, как люди готовят еду и накрывают на стол.

На дороге стояли лужи, нам то и дело приходилось перепрыгивать через них, светло-голубые ботинки Мальчика давно уже покрылись грязью.

Впереди показался шедший нам навстречу мужчина. Стояла такая темень, что разглядеть сразу, кто это, было трудно, но, когда он подошёл поближе, я увидела, что это Исак, наш сосед. Он тяжело опирался на палку.

— Здравствуй, Лилия! — кивнул он мне. — Здравствуй...

Он остановился, пытаясь разглядеть, кто это со мной.

— Добрый день! — выпалила я и быстро потянула за собой Мальчика.

Мы зашли за угол, и тут Мальчик остановился.

— Я хочу назад, — прошептал он. — Мне здесь не нравится, я промок и замёрз.

— Я мёрзну и мокну каждый день.

Мой голос, видно, звучал так строго, что Мальчик больше ничего сказать не посмел.

Мы пошли дальше и вскоре добрались до дома Теи и Тома. Из трубы на крыше вился тонкий дымок, внутри горел свет.

— Идём! — я потянула Мальчика за собой к дому. — Смотри!

Мы встали по обеим сторонам окна и заглянули внутрь. Собака прижалась к стене, прячась от дождя.

Тея и Том накрывали на стол, а их отец стоял у печи.

Мальчик во все глаза смотрел на них и не говорил ни слова.

Между тем они сели за стол: отец с матерью, Тея, Том и их младшая сестрёнка Тириль. Взявшись за руки, они поблагодарили землю за еду на столе. Но особо благодарить было не за что: на блюде лежало полкочана цветной капусты, несколько долек испечённой в печи картошки, кусок хлеба и два варёных яйца. Перед Тириль стояла тарелка с кашей, слишком маленькая.

— Видишь? — прошептала я.

Мальчик отвернулся.

— Смотри же!

Дрожащей рукой отец разрезал половинку капусты на четыре части, мать разделила яйца и картошку: три крохотные дольки и пол-яйца каждому, а Тея разломала на кусочки и раздала хлеб.

Дети приступили к еде, а отец с матерью переглянулись. Мать переложила кусочек картошки со своей тарелки на тарелку Теи, а отец — на тарелку Тома.

Было слышно, как Тея спросила маму: «Уверена?» Та кивнула.

Том даже не спросил, он накинулся на еду, как голодный щенок.

Отец кормил Тириль кашей, и она широко открывала рот, как умеют только малыши. Не успевал отец наполнить следующую ложку, она уже повторяла: «Сё-Сё!» — одно из немногих слов, которые знала.

Всего несколько ложек, и тарелка опустела.

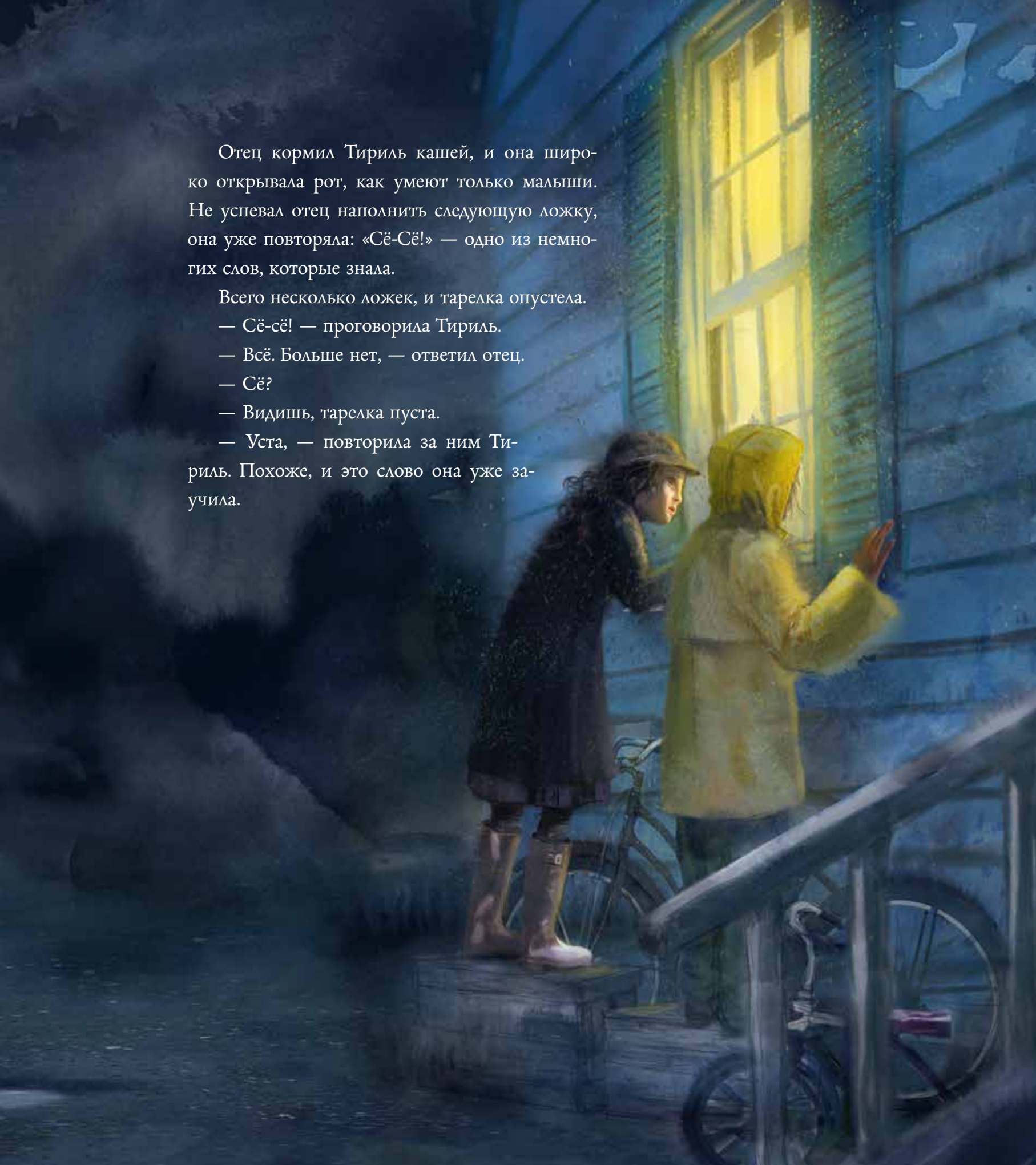
— Сё-сё! — проговорила Тириль.

— Всё. Больше нет, — ответил отец.

— Сё?

— Видишь, тарелка пуста.

— Уста, — повторила за ним Тириль. Похоже, и это слово она уже заучила.

Она смотрела на пустую тарелку и сосала ложку.

Младенцев, какими они должны быть, я видела только на картинке: круглые животики, ножки в складочках, щёчки такие пухленькие, что, когда детки смеются, глазки превращаются в тонкие щёлочки. Совсем не такой была Тириль, тонкая, как тростинка, глаза на худеньком личике казались огромными.

Я повернулась к Мальчику.

— Здесь у нас ничего не растёт, — прошептала я.

Он не ответил, просто опустил голову. Лица из-за капюшона было не разглядеть.

— Нам нужно солнце. Это ты понимаешь?

Тириль расплакалась, и отец спустил её на пол. Она только училась ходить и теперь стояла, держась за ножку стола.

— Сё-сё! — твердила она.

Собака тихо заскулила.

Плач Тириль доносился через окно и, казалось, проникал Мальчику прямо в сердце.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Хранительница спасла мне жизнь, — его голос звучал глухо.

— Знаю. Но она всё равно неправа.

Он покачал головой.

— Но она спасла...

— Это я уже слышала, — резко оборвала я его. — Но это всё равно не повод!

Я отвернулась и пошла прочь.

— **Л**илия!
Мальчик бежал следом.

— Лилия, да погоди ты!

Я бросилась к своему дому, распахнула дверь и вошла. Мальчик вбежал за мной.

— Ты здесь живёшь?

Он оглядел комнату.

— Надо как-то защититься от жара, — сказала я, зажигая лампу. — Нам нужна одежда. Много одежды.

С лампой в руках я стала подниматься на чердак. Я не оборачивалась, но краем глаза видела, что Мальчик не отстаёт.

Поднявшись, я огляделась. На крючке висел старый тулуп. Давным-давно, когда у нас ещё были зимы, его, очевидно, носил мой отец. Я сняла тулуп с крючка и кинула Мальчику:

— На вот, возьми.

Сама я надела старое бабушкино пальто. Немного длинно в рукавах, но ткань была плотной. «Настоящая броня из шерсти», — подумала я, пока искала в комоде варежки, шарфы и шапки.

Мальчик так и стоял с тулупом в руках.

— Не уверен, что получится, — тихо сказал он.

— Мы должны хотя бы попытаться.

Он не ответил, так и стоял неподвижно. Я подошла к нему.

— Если сам не хочешь... дай попробовать хотя бы мне.

— Но это смертельно опасно. Не зря же она держит солнце взаперти.

— Смертельно опасно то, что здесь солнца нет, — отрезала я. — Солнце должно быть на небе.

— Только вот... Мне её страшно жаль, — проговорил Мальчик.

— Хранительницу?!

Он кивнул.

— Солнце — единственное, что у неё есть.

— Что ты имеешь в виду?

— Она так сказала как-то раз, когда была в гневе. Она крикнула: «Я всё потеряла. Солнце — единственное, что у меня осталось!»

Я не знала, что на это сказать, кроме одного:

— Да она сумасшедшая.

— Возможно... Но то, что ты хочешь сделать, очень и очень опасно.

— Я всё равно должна попытаться. Ради Тома и Теи. Ради всех жителей деревни.

Мальчик тяжело вздохнул и надел тулуп. Он был ему слишком велик.

— Хорошо. Попробуй. А я пойду с тобой и пока-раулю.

Мы взяли тёплую одежду с собой в долину и стали переодеваться. Мальчик одевался неохотно, но, к счастью, больше не возражал.

Когда я закончила, мне в голову пришла идея:

— Думаю, будет лучше, если мы намочим одежду. Это послужит дополнительной защитой от жара.

Мы отправились к речке и нашли заводь поглубже. Я потрогала воду, она была ледяной. Набравшись смелости, я прыгнула, и Мальчик последовал моему примеру.

— Бр-р-р, — воскликнула я.

В ответ я услышала, как у Мальчика от холода стучат зубы.

Мы окунулись целиком и подождали, пока одежда полностью промокнет. Когда мы встали, я не смогла сдержать улыбки.

— Мы похожи на мокрых кошек!

Мальчик тоже слегка улыбнулся, но глаза оставались серьёзными.

Я молча протянула ему кожаный шлем-маску, которую он обычно надевал, когда открывал окошко в воротах. На себя я накинула большой мокрый плед. Он покрывал меня целиком, я оставила только небольшую щёлочку для глаз. Теперь я наверняка напоминала привидение в клеточку. На руки я натянула две пары мокрых варежек, одну поверх другой.

Мальчик остался караулить, не идёт ли Хранительница, а я пошла к воротам. Чем ближе я подходила, тем жарче становилось. Я старалась идти уверенным шагом, чтобы не показывать Мальчику, что мне страшно.

Но, по правде говоря, мне было до смерти страшно. Что же я такое затеяла? Решила освободить само солнце? И даже если мне это удастся, как потом быть с Хранительницей? Что случится, если она обнаружит, чем я здесь занимаюсь?

Я тряхнула головой, чтобы избавиться от всех этих мыслей, и обернулась.

— Ну что, открываю! — громко крикнула я Мальчику.

Он едва кивнул.

От ворот исходил жар. Я взялась за засов и потянула. Будто дотронулась до раскалённой кастрюли. Засов не поддавался.

Я попыталась ещё раз, напрягла все силы, потянула всем своим весом.

Засов не сдвинулся с места.

Я обернулась.

— У меня не получается, — крикнула я.

Он не ответил. Маска скрывала его лицо, понять, что он думает, было невозможно.

— Пожалуйста, помоги!

— Но я же должен сторожить. Представь, если она придёт?

— Пожалуйста!

В конце концов он направился ко мне. Собака кинулась было за ним, но остановилась недалеко от ворот.

— Надо потянуть вместе. Иди-ка сюда.

Я услышала, как за маской он вздохнул, но сделал, как я просила. Мы вместе потянули засов на себя.

Собака повизгивала от страха. Жар от ворот шёл невыносимый. Засов не поддавался.

— Давай! — сказала я и сцепила зубы. — Раз, два, три. Тянем!

Раздался громкий скрежет, и засов немного сдвинулся с места.

— Ура! — закричала я. — Давай ещё раз! Тянем! Раз, два, три.

Мы налегли изо всех сил.

С жутким скрежетом засов поддался, и нам наконец удалось его вытащить.

Я тяжело дышала, стёкла на маске Мальчика запотели. Он отошёл на несколько шагов, снял шлем-маску и вытер лицо, пот лился с него ручьём.

Я подошла к Мальчику, стянула с себя тяжёлый плед. Мы оба не отрывали глаз от ворот. Оставалось их открыть.

— Лилия, — произнёс Мальчик дрожащим голосом. — Ты уверена?

— Нет, — ответила я.

Мой голос дрожал, пожалуй, ещё сильнее.

— Нам же не обязательно... — сказал он. — Давай лучше задвинем засов обратно, повесим одежду сушиться и пойдём поедем спелых слив. И Хранительница обо всём об этом никогда не узнает.

Я медленно покачала головой.

— Так не годится.

— Ладно. Я так и думал, что ты это скажешь.

Мальчик натянул на голову шлем-маску, а я снова завернулась в плед. И мы вернулись обратно к воротам, он первый, а я за ним.

Он взялся за ручку, помедлил секунду, выпрямился, и в этом его движении сквозила настоящая решимость.

— Ты права. На самом деле пора, — проговорил он. — Время настало!

И, не дожидаясь меня, он стал открывать ворота.

Створки натужно заскрипели. Мальчик тянул их на себя до тех пор, пока не открыл настежь.

Хлынул свет... Сложно было представить, что он может быть настолько ярким. Я зажмурилась, но от него было не скрыться, он проникал даже сквозь сомкнутые веки.

И жар... палящий жар. Я никогда не испытывала ничего подобного. Невыносимый, опасный, он всё нарастал.

Надо было бежать!

Не сговариваясь, мы кинулись прочь. Собака с испуганным визгом следовала за нами по пятам.

— В речку! — крикнула я.

И мы нырнули в заводь.

— Собака, за мной! — скомандовал мальчик и утянул её за собой.

Мы держали головы над водой и не сводили глаз с ворот.

Свет и жара усиливались.

Воздух звенел.

Деревья и цветы возле ворот бурели у нас на глазах, съёживались и умирали.

А жар нарастал.

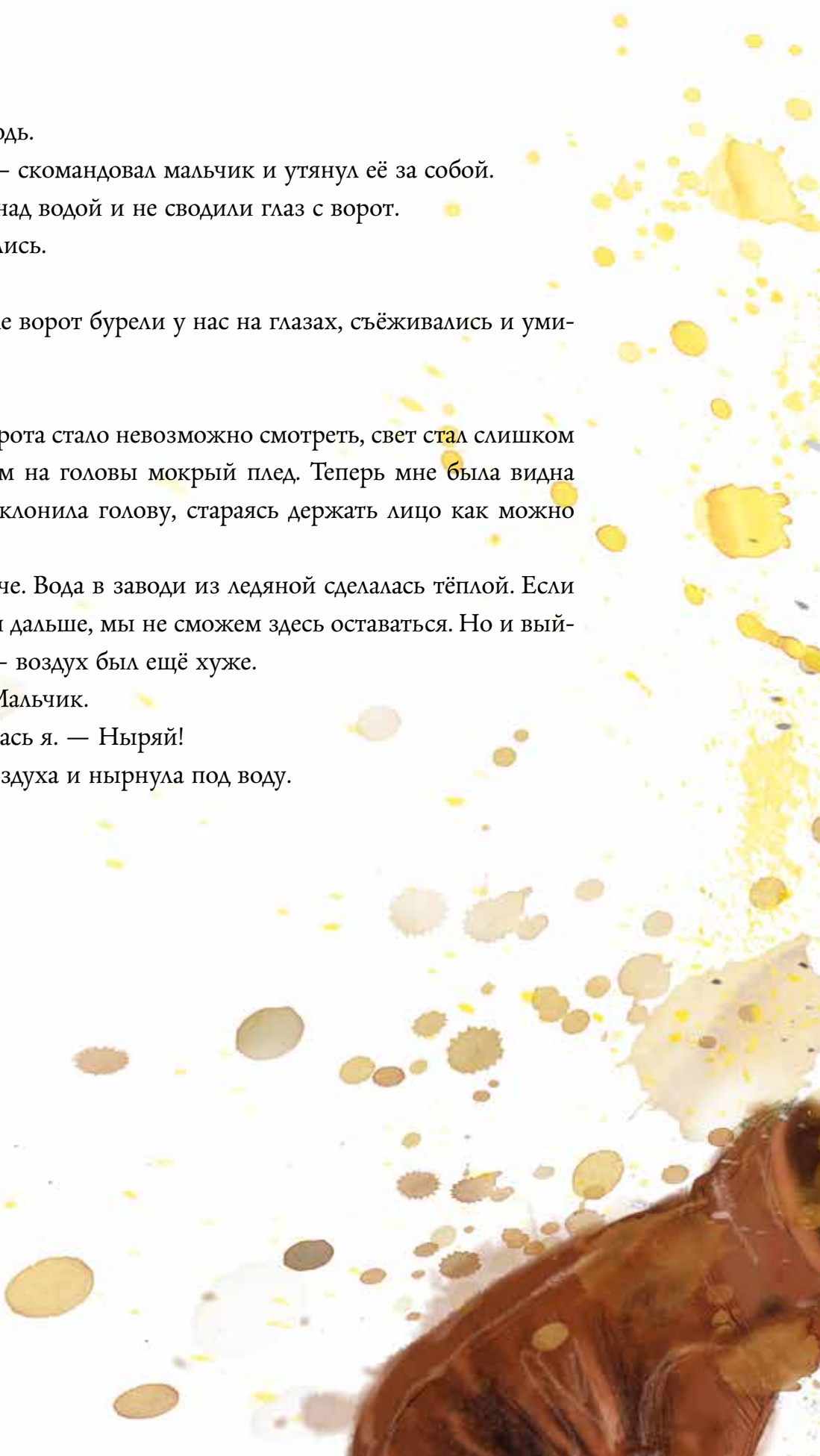
В конце концов на ворота стало невозможно смотреть, свет стал слишком сильным. Я накинула нам на головы мокрый плед. Теперь мне была видна лишь изнанка пледа. Я склонила голову, стараясь держать лицо как можно ближе к воде.

Становилось всё жарче. Вода в заводи из ледяной сделалась тёплой. Если она будет разогреваться и дальше, мы не сможем здесь оставаться. Но и выйти из неё мы не могли, — воздух был ещё хуже.

— Лилия, — позвал Мальчик.

— Ныряй! — отозвалась я. — Ныряй!

Я набрала в лёгкие воздуха и нырнула под воду.

Над нашими головами плавали плед, кувшинки и стрекозы. А над ними разливался ослепительный свет, такой яркий, что выбеливал всё вокруг.

Собака брыкалась, и Мальчик барахтался рядом, стараясь удержать её под водой. У меня в лёгких почти не осталось воздуха.

«Вот и конец, — подумала я. — Мы умрём: либо сторим в испепеляющей жаре наверху, либо утонем здесь».

И вдруг что-то случилось. Жар стал утихать. Свет как будто поднимался вверх и ослабевал.

Собака вырвалась у Мальчика из рук.

Я, задыхаясь, выкарабкалась из-под пледа и встала на ноги.

— Смотри! — произнёс Мальчик с отчаянием в голосе.

Цветы у реки стояли, повесив головки, а всё, что росло у ворот, обратилось в пепел.

— О, нет!

На поверхности заводи лежало множество стрекоз, мёртвых.

Однако одна из них, самая крупная, вскарабкалась на листок, взлетела и устремилась в центр долины. Там по-прежнему зеленели деревья, на ветках висели фрукты и ягоды, цвели цветы. В ярком свете всё виделось так отчётливо. Цвета стали насыщеннее, контрасты — резче, будто растения светились изнутри собственным светом. А над ними, над долиной, стояло солнце, огромный огненный шар, на свет от которого было больно смотреть.

Жара стояла такая, что было трудно дышать, трудно пошевелиться.

— Оно всё ещё поднимается! — прошептал Мальчик.

Я не осмелилась взглянуть на огненный шар, но отметила, что свет постепенно слабеет и жара спадает: солнце удалялось.

— Да... — выдохнула я.

— Да.

Он взял меня за руку, заглянул мне в глаза и сказал:

— Кажется, мы справились.

— Да, — прошептала я.

И вдруг Мальчик отпустил мою руку.

— Смотри!

Он указывал в сторону пещеры. Я повернула голову.

Из пещеры тянулась длинная огненная полоска.

— Что это?

Я направилась к ней, хотела дотронуться, но за несколько метров почувствовала, какой сильный жар от неё исходит.

Мальчик задрал голову:

— Это трос. Он идёт вверх.

Я запрокинула голову, приложила руку козырьком к глазам, но свет был слишком ярким.

Мальчик побежал к пещере и заглянул внутрь.

— Он тянется оттуда.

Я поспешила следом. Стены пещеры были покрыты копотью, в темноте светился только трос, он уходил вглубь, и нам удалось разглядеть, что на дне пещеры он свёрнут в бухту.

Мы сразу поняли, в чём тут дело, и хором воскликнули:

— Трос привязан к солнцу!

Больше мы ничего не успели сказать, поскольку услышали, как кто-то бежит к нам и кричит:

— Нет, не-е-ет!

Хранительница неслась прямо на нас. Мы отступили на несколько шагов. Я видела только её глаза: широко раскрытые, налитые кровью, они светились так же ярко, как солнце на небе.

— Что вы наделали?! Вы понимаете, что вы наделали?!

Не дожидаясь ответа, она пронеслась мимо нас, кинулась в пещеру и ухватилась за горящий трос.

Хранительница вскрикнула от боли — раскалённый трос наверняка прожёт её перчатки, но из рук она его не выпустила. Трос натягивался всё сильнее и сильнее. Она как будто держала на поводке огромную бешеную собаку, и та вытащила её из пещеры и поволокла по долине.

Мы побежали следом. Мы видели, как Хранительница старается удержать трос в руках и застопорить движение.

— Отпусти! — крикнул Мальчик. — Оставь его в покое! Пожалуйста!

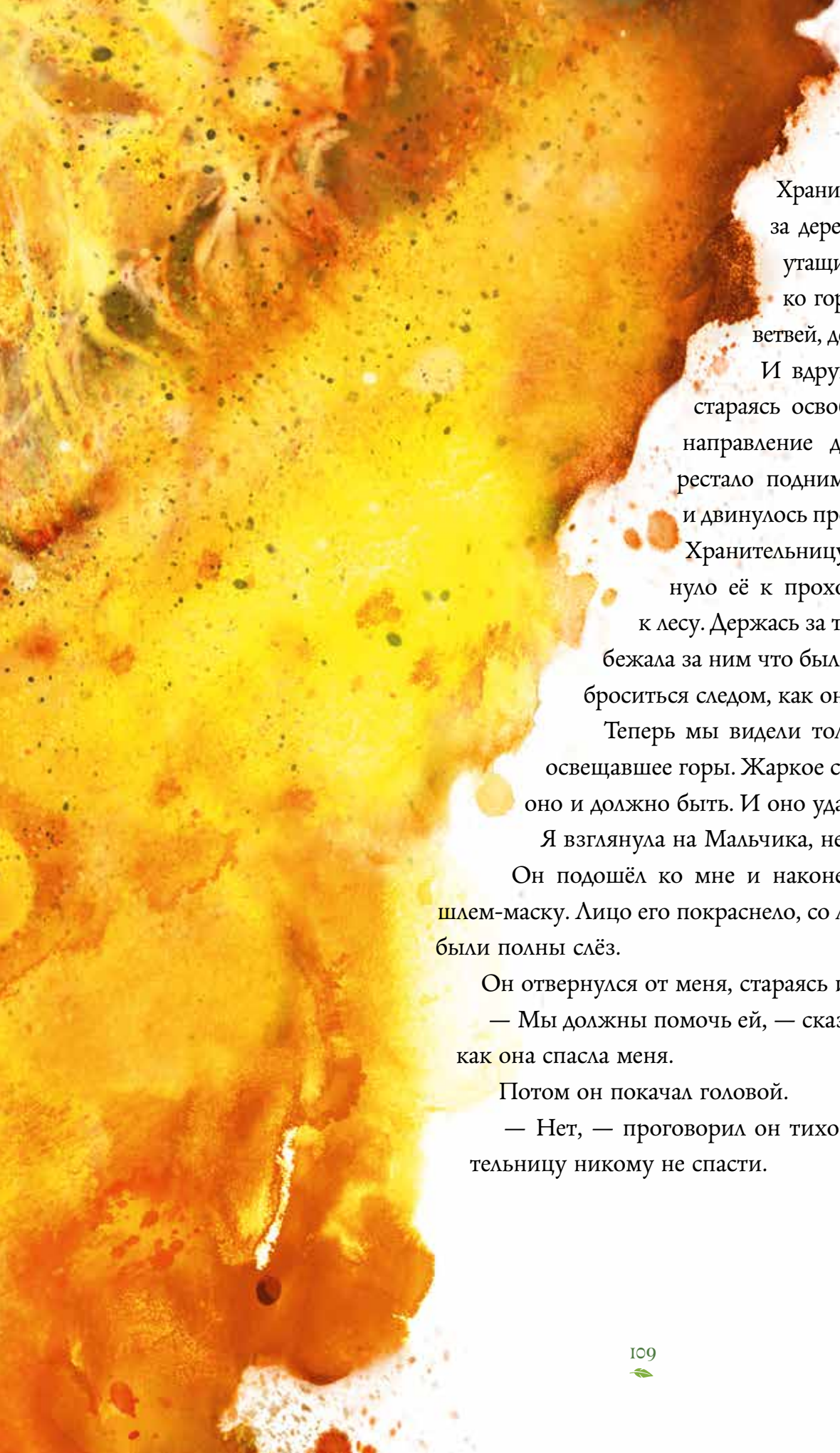
Хранительница обернулась и бросила на нас такой взгляд, что, казалось, он прожёт меня насквозь.

Придушенным злостью голосом она выдавила:

— Я всем пожертвовала ради него, ясно? Я его не отпущу!

Хранительница дёрнула за трос, хотела подтянуть солнце к себе, но оно не поддалось. Она с воем боролась изо всех сил, но солнце было сильнее.

Хранительница схватилась за дерево, чтобы солнце не утащило её, но, как только горящий трос коснулся ветвей, дерево вспыхнуло.

И вдруг солнце, как будто стараясь освободиться, изменило направление движения. Оно перестало подниматься прямо вверх и двинулось прочь от долины, таща Хранительницу за собой. Оно тянуло её к проходу в горной гряде, к лесу. Держась за трос, Хранительница бежала за ним что было сил. Не успели мы броситься следом, как она скрылась из виду.

Теперь мы видели только солнце в небе, освещавшее горы. Жаркое солнце. Такое, каким оно и должно быть. И оно удалялось от нас.

Я взглянула на Мальчика, не зная, что сказать.

Он подошёл ко мне и наконец стянул с головы шлем-маску. Лицо его покраснело, со лба стекал пот, глаза были полны слёз.

Он отвернулся от меня, стараясь их скрыть.

— Мы должны помочь ей, — сказал он. — Спасти её, как она спасла меня.

Потом он покачал головой.

— Нет, — проговорил он тихо. — Думаю, Хранительницу никому не спасти.

ГЛАВА

14

Когда мы шли по лесу в деревню, солнце светило нам в спину. Оно поднималось всё выше и уходило всё дальше, так что жара спала. Я старалась отогнать от себя мысли о Хранительнице, но её образ всё время стоял у меня перед глазами: отчаянный взгляд, руки, вцепившиеся в трос, тянущий её в направлении гор и вверх. «Мне нет до неё никакого дела, — твердила я про себя. — Она просто сумасшедшая, и чем дальше отсюда её утащит, тем лучше». Но её горящие глаза, два колодца, полных огня, не выходили у меня из головы.

Верхнюю одежду мы сняли, и в прогретом воздухе моё платье быстро высохло. От мха поднимался пар, дождевые капли на ветвях деревьев сверкали, жужжали насекомые. Всё вокруг было наполнено светом. Впервые я разглядела, какими узловатыми были стволы, увидела, сколько оттенков зелёного у мха. И небо. Среди верхушек деревьев проглядывало настоящее дневное небо такого пронзительно-голубого цвета, какой я не могла себе представить даже в самых смелых мечтах. Голубая краска из отцовского этюдника теперь представлялась бледной, будто её развели водой.

Мы вышли на полянку, окружённую стройными, тянущимися к небу берёзками.

Прежде их ветки были голы, а теперь подёрнулись зелёной дымкой.

— Смотри!

Я подбежала к деревцу и взялась за ветку. На ней распускались клейкие листочки.

— А взгляни-ка туда!

Мальчик указывал на полянку, сплошь покрытую распускающимися подснежниками.

Отовсюду раздавалось пение птиц. Мимо пролетел дрозд, из ветвей выпорхнула трясогузка. Её щебетание напоминало смех, отчего мне и самой захотелось рассмеяться. На сердце сделалось легко-легко, как будто и я была одной из этих весенних пташек.

— Идём!

Я взяла Мальчика за руку, и мы побежали по лесу. Изредка мы останавливались, чтобы рассмотреть что-нибудь, и улыбались друг другу. Я всегда считала лес тёмным и мрачным. Думала, здесь могут выжить только мох, угрюмые ели и вороны. Но теперь всюду кипела жизнь.

Птицы в гнёздах высиживали птенцов, тропинку то и дело перебегали зайцы, всюду зацветали печёночница, мать-и-мачеха, крокусы, покрывались листвой деревья.

До опушки леса мы бежали вприпрыжку и остановились только на пустыре у теплицы. Двери были распахнуты настежь, окна открыты. На пустыре, зарастающем травой и луговыми цветами буквально у нас на глазах, стояла мама Теи и Тома. Она подставила лицо солнцу, глаза были закрыты, по щекам катились слёзы. На руках она держала Тириль, крепко прижав её к себе.

И она была не одна. На пустыре собрались жители деревни, они смеялись и плакали, щурились на солнце, подставляли его лучам лица, собирали цветы, плели венки и надевали их друг на друга.

Я сжала руку Мальчика.

— Мы справились, — прошептала я.

— Да, справились, — он сжал мне руку в ответ. — Благодаря тебе, Лилия.

По деревне мы шли не спеша. Во дворах на верёвках сушились ковры и одеяла, на лёгком ветерке они развевались как разноцветные флаги. Жители повытаскивали на солнце отсыревшую садовую мебель и старые гамаки.

Кругом всё цвело. Вишни и яблони напоминали бело-розовые облака.

И отовсюду слышался смех: глуховатый у стариков, раскатистый у мужчин, бархатистый женский, звонкий девичий и залиvistый детский. Том подбрасывал в воздух лепестки цветов и смеялся легко и беззаботно, ему ликующим младенческим смехом вторила Тириль. Мягким покрывалом смех укутывал нас, согревал сердце.

Подойдя к дому, мы увидели дедушку. Он неподвижно сидел на скамейке, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. Никогда раньше я не видела его таким, он будто спал.

— Дедушка, — прошептала я.

Он встрепенулся, заморгал, и я поняла, что он и вправду задремал. Теперь, на солнышке, он мог наконец-то позволить себе отдохнуть.

Дедушка хотел было подняться, но я остановила его:

— Сиди-сиди. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Мальчик подошёл к дедушке и застенчиво поздоровался. Тот прищурился.

— Вот как? У тебя новый друг?

— Да.

Дедушка какое-то время внимательно изучал Мальчика, а потом произнёс:

— Тебя я уже видел.

— Видели, — подтвердил Мальчик. — Когда вы как-то прошли чуть дальше в долину...

— Верно. Я всё гадал потом, кто ты и хорошо ли тебе там живётся.

— Жилось неплохо, спасибо!

— Еды, во всяком случае, у тебя было вдоволь.

— Да.

Дедушка немного помолчал, не отрывая взгляда от Мальчика.

— Но одной едой не обойдёшься. Тебе, наверное, было там одиноко.

— Да... Нет... Не знаю...

— И потом тебя нашла Лиля, моя любопытная внучка.

Мальчик кивнул.

— Да, потом пришла Лилия. К счастью.

Дедушка тяжело вздохнул, но это был вздох облегчения.

— Давайте посидим немного, отдохнём. Думаю, всё позади. А ведь и вправду, всё позади.

Он подвинулся на край, освобождая нам место. Мы, уже втроём, запрокинули головы на спинку скамейки и закрыли глаза. И я почувствовала, как солнце приятно пощипывает нос и щёки и в меня проникает не похожее ни на что на свете тепло. «Всё хорошо, — подумала я. — Всё позади, теперь можно просто тихонечко посидеть».

ГЛАВА 15

Сидели мы долго. Никто не произносил ни слова. Сперва я наслаждалась солнечным теплом и приятными мыслями, но вскоре лёгкое пощипывание сменилось неприятным покалыванием, кожа стала гореть.

И я снова подумала о Хранительнице. Вдруг где-то далеко, совсем одна, она продолжает изнурительную борьбу с солнцем? У меня накопилось столько вопросов: о ней, о бабушке, о долине.

Я повернулась к бабушке.

— Как ты её нашёл? — спросила я.

— А? Что? Что нашёл?

Он открыл глаза.

— Долину. Проход в горах. Овощи и фрукты, — сказала я.

Бабушка кашлянул и задумался.

— Ну, теперь я, наверное, могу всё рассказать.

Не сказав больше ни слова, он встал и вошёл в дом. Я услышала, как он роется там в поисках чего-то. Мальчик вопросительно взглянул на меня, я пожала плечами. Вскоре бабушка вернулся, держа в руках письмо.

— Я получил его вместе с первой корзиной овощей.

Он задумчиво посмотрел на письмо.

— Это произошло много лет назад. Я остался с тобой один, Лилия. На мне лежала большая ответственность — за тебя, за теплицу, за то, чтобы обеспечить всех едой. С каждым днём дела шли всё хуже и хуже. В теплице мне удавалось вырастить лишь малую толику того, что требовалось, хотя я работал днём и ночью. И всё время у меня было странное ощущение, будто за мной кто-то наблюдает, за всем, что я делаю. Я думал, что схожу с ума.

Дедушка посмотрел на меня.

Я ободряюще кивнула, я ведь прекрасно понимала, о чём он, такое ощущение часто возникало и у меня.

— И вот однажды, — продолжал он, — когда я за теплицей менял землю в горшках, я кое-что увидел на траве. Это была тёмно-красная вишенка.

— Из долины? — спросил Мальчик.

На вопрос дедушка не ответил, просто стал рассказывать дальше.

— Я подошёл, наклонился и, не задумываясь, сунул её в рот. Я в жизни никогда не пробовал такой сладкой вишни... Я поднял голову и чуть поодаль увидел ещё одну. Что было сил в моих старых ногах я кинулся туда и съел её. И когда я поднял взгляд, то...

— Обнаружил ещё одну, — закончила фразу я.

Дедушка кивнул.

— Вишенки привели меня в лес. Я заходил всё глубже и глубже. Косточки я выплёвывал, чтобы потом по ним найти дорогу назад. Это единственное разумное, что я догадался сделать, а так я совсем потерял голову, будто ягоды были заколдованы. Я ведь был очень голоден, уже и не помнил, когда последний раз ел что-то по-настоящему вкусное.

Он улыбнулся, словно вспоминая вкус тех ягод.

— И в конце концов... — произнесла я.

— И в конце концов я добрался до горной гряды и нашёл проход. И корзину. Самую первую. А поверх овощей в корзине лежало это письмо.

Дедушка протянул его мне. Мальчик заглянул мне через плечо.

— Что это? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, эти странные рисунки.

— Это не рисунки, это буквы! — воскликнула я. — Из них складываются слова.

Его глаза округлились. Он ткнул пальцем в строчки.

— Слова?! Вот из этого вот?!

— Давай я прочту, — предложила я.

Мальчик энергично кивнул.

Я провела по бумаге ладонью, чтобы разгладить заломы.

«Тому, кто найдёт корзину.

Эти овощи и фрукты твои».

Я подняла глаза на дедушку.

— То есть корзина досталась тебе просто так?

Он кивнул.

— И это всё, что там написано? — спросил Мальчик.

— Да нет, — ответила я и стала читать дальше.

«Раз в три дня можешь приходить сюда с пустой корзиной и забирать взамен полную. Никакой оплаты не требуется. Но есть два условия, которые ты должен соблюдать неукоснительно: никому никогда не рассказывать, где берёшь еду, и никогда не заходить в проход. Если эти правила будут нарушены, ты больше никогда не получишь полной корзины и твоей внучке нечего будет есть».

— Это всё, — я перевернула лист и посмотрела на обратной стороне. — Имени отправителя нет, так что кто написал письмо — неизвестно.

— Оно от Хранительницы, — прошептал Мальчик. — Она видела, что вы голодаете, и позаботилась о вас.

Дедушка кивнул.

— Вы когда-нибудь говорили с ней? — спросил Мальчик.

Дедушка немного помолчал, а затем произнёс:

— Я чувствовал, что она где-то рядом, в лесу. Видел её тень. Как-то раз, мельком, её чёрное от сажи лицо. Больше ничего.

— И ты ни разу не попытался пройти по проходу в долину и взять ещё еды? — спросила я.

— Только в тот единственный раз. Но я увидел Мальчика и не осмелился идти дальше. Я думал, он охраняет долину и сразу сообщит о том, что я нарушил правила. И когда Хранительница об этом узнает, то с тобой, Лилия, случится беда.

Я снова посмотрела на письмо и на правила: «Никому никогда не рассказывать, где берёшь еду, и никогда не заходить в проход».

Два правила, созданные ею, чтобы всё оставалось так, как есть. Чтобы никто не нашёл солнце, как нашла его я, и не освободил бы его.

Держать солнце в горе, как пленника в темнице, — единственное, что имело для неё значение. Единственное, ради чего она жила.

И я всё это разрушила.

На площади вовсю шёл праздник. Люди насобирали фруктов и овощей, установили длинные столы и украсили их луговыми цветами. Крестьянка Анна принесла из дома скатерти, тарелки, стаканы и накрыла на стол. Потом они вместе с пастухом Юнасом, стариком Исаком и остальными уселись пировать. Все ели, пили, смеялись и пели.

Я тоже пришла на площадь. После того как мы прочитали письмо и я рассказала дедушке о Хранительнице и о том, что мы сделали, я была слишком возбуждена, чтобы усидеть на месте.

Ко мне тут же подбежали Том и Тея. Том протянул мне большое красное яблоко.

— Лиля, смотри! Из нашего сада! Это тебе!

— И малина тоже! — сказала Тея, у неё в ладошках на платке лежала горсть малины. — Бери!

Я взяла одну ягоду и положила в рот. Она была кисло-сладкая, какой и должна быть малина, но совсем не такая вкусная, как я ожидала.

— Бери ещё!

— Нет, спасибо!

Бледная кожа Теи сильно порозовела, а щёки стали малиновыми, как ягоды, которые она мне протягивала.

— Будь поосторожнее, — предупредила я.

— С чем?

— Ты уже обгораешь.

— Ох, ну ты как всегда, — она нахмурилась. — Вид такой, будто на похоронах. Случилось что?

— Нет, просто будь поосторожнее на солнце.

— Ладно, ладно, — раздражённо ответила она и повернулась к Тому. — Идём! Найдём кого-нибудь, кто и вправду захочет попробовать нашу малину.

— Ну зачем ты так? — воскликнула я.

Но они уже направились к длинному столу.

Я отвернулась и пошла домой.

Дедушка с Мальчиком сидели в тени за домом. Лицо дедушки покраснело. Мальчик ходил взад-вперёд. Он вышел из тени, задрал голову и посмотрел на солнце, приложив руку козырьком к глазам.

— Оно остановилось, — сказал он. — Вообще не движется. Может, ей всё же удалось его удержать?

На это дедушка ничего не ответил. Он медленно поднялся и, держась за стену и едва переставляя ноги, направился к двери.

— Сейчас нам не помешает немного поспать. Будем надеяться, время на нашей стороне, — сказал он спокойно и скрылся в доме.

Мы с Мальчиком остались на улице.

— Ты тоже думаешь, что время на нашей стороне? — спросила я.

Он отрицательно покачал головой.

— Она всё ещё удерживает солнце. И никогда не отпустит.

— Что же нам делать?

Он протянул мне руки, будто держал в них ответ, но ладони были пусты.

Я взяла его руки в свои и пожала.

— Давай не будем сразу пугаться, подождём немного.

Мальчик кивнул.

— Ты можешь поспать у нас, — предложила я. — У нас много свободных кроватей.

— Поспать... — проговорил он и громко зевнул. — Не помешает.

Тут я поняла, что тоже очень устала. До дрожи в руках и ногах. Я была совершенно измотана: сначала напряжение, когда мы спасали солнце, потом радость, а теперь растущий во мне страх.

Я постелила Мальчику в маленькой спальне, где раньше спали мама с папой. Было отратно видеть, что комната больше не пустует. Мальчик растянулся во всю длину на широкой кровати, а Собака свернулась калачиком у него в ногах, вздохнула пару раз и уснула. «Может, Мальчик с Собакой останутся у нас жить», — вдруг подумала я, и эта мысль наполнила моё сердце радостью.

Спать в толстой ночнушке было слишком жарко. Я сложила её, сунула под подушку, надела просторную дедушкину майку и легла поверх одеяла. И наконец под звуки праздника, пения птиц, смеха на улице и дедушкиного храпа в соседней кровати я уснула.

Спала я беспокойно, мешал яркий свет за окном. Я пыталась накрыть голову одеялом, но так дышать было вообще нечем.

В конце концов я села на кровати, посмотрела на спавшего глубоким сном дедушку, тихонечко прошла к родительской спальне и заглянула к Мальчику

с Собакой. Они тоже спали, и я не хотела их будить. Стараясь не шуметь, я оделась и выскользнула на улицу.

С площади не доносилось ни звука. Птичье пение и людской смех тоже смолкли. На небе стояло солнце. Оно не сдвинулось ни на миллиметр и казалось ещё больше, чем раньше, будто оно раздулось и теперь пылало яростным жаром.

Дверь за моей спиной открылась, и вышел Мальчик.

— Я не хотела тебя будить, — сказала я.

— Да всё равно спать невозможно.

Волосы его были взъерошены, выглядел он усталым. Он попытался взглянуть на солнце, но тут же отвернулся — свет был слишком ярким.

— Как думаешь, оно выросло? — спросила я. — Или мне только так кажется?

Я надеялась, что это я себя накручиваю.

— Нет, не кажется, — ответил Мальчик.

Мы стояли на жаре, прислушиваясь к царящей кругом тишине.

— А где все? — спросил он.

— Идём, — я кивнула в сторону калитки.

Мы двинулись к площади.

В гамаке под деревьями лежала и храпела пожилая дама. В соседнем доме через открытое окно виднелась большая двуспальная кровать, а на ней вполвалку спала вся семья.

Я подняла глаза на часы на башне. Они показывали половину третьего.

— Кажется, сейчас ночь, — проговорила я. — Вернее, то время, что мы называли ночью.

Мы пошли дальше.

— Что все подумают, когда проснутся и увидят, что солнце всё ещё светит? — тихо произнёс Мальчик.

— Не знаю.

— Они же поймут, что здесь что-то не так. Что лучше вовсе не стало, скорее, только хуже.

Мы завернули за угол, вышли на площадь и увидели следы праздника: перевёрнутые стулья, пустые стаканы, скатерть вся в пятнах.

Я подошла к тарелке с остатками еды. Кто-то не доел еду! Раньше такого просто не могло случиться. Над клубникой вились мухи, некоторые уже облепили её, сидели и угощались мякотью. Их жужжание было единственным звуком во всей округе.

Но брошенной едой угощались не только мухи. Казалось, солнце тоже пожирает её. Всё, что осталось в корзинах, на блюдах и тарелках, стало гнить. Груши побурели, малина Теи высохла, листья салата завяли и поникли.

Несмотря на жару меня будто пронзило холодом. «Такая судьба ждёт здесь всё и всех, — подумала я. — Всё завянет. Всё умрёт. Всё и все. И мы в том числе».

Я повернулась к Мальчику и встретила с ним глазами. Я видела, что он понимает, о чём я думаю.

— Что нам делать? — прошептала я.

— Идём скорее. Мы должны её отыскать.

Я стояла в дверях и смотрела на дедушку. В комнате было невыносимо жарко, и его лицо покрылось испариной. Я поспешила открыть оба окна. Дышать стало немного полегче. Явно почувствовав дуновение ветерка, дедушка во сне повернулся лицом к окнам. Я подошла и склонилась над ним. Так и он, наверное, часто склонялся надо мной, пока я спала. Берёг мой сон.

Как же он исхудал и осунулся! Голова на подушке казалась крохотной, тонкое тельце не занимало и половины кровати. Дедушка спал глубоко и спокойно.

Может, не стоит его будить? Так будет проще.

Но уйти, не попрощавшись, исчезнуть, не сказав ни слова, я не могла.

Я осторожно дотронулась до его плеча.

— Дедушка!

Он повернулся на бок.

— Дедушка!

Дедушка открыл глаза и несколько раз моргнул. Увидев меня, он резко сел и ткнул пальцем в стоявший у моих ног собранный рюкзак.

— Тебе пора! — произнёс он.

Я тихонечко присела рядом.

— Пора. Я должна...

— Да.

— И ты не будешь пытаться меня остановить?

— Нет. Иди, Лилия. Надо найти Хранительницу. Ты всё начала, и будет правильно, если её найдёшь именно ты.

На секунду мне показалось, что дедушка хочет сказать ещё кое-что. Будто он знал что-то, о чём хотел сообщить и мне, но промолчал.

У кровати стоял стакан воды. Большими глотками дедушка осушил его.

— Хочешь ещё?

Я поднялась, подошла к ведру с водой и наполнила стакан.

Дедушка выпил и его. Потом он кивнул на рюкзак.

— Что там у тебя?

Я пожала плечами.

— Еда, спички, одеяло, фляга воды.

— Возьми ещё воды. Побольше. Она вам понадобится.

— Но мы же можем пополнять фляги в ручьях по пути.

— Вряд ли. Засуха знакома мне не понаслышке. И если это она, едва ли в ручьях осталась вода.

Мы посидели молча ещё какое-то время. Я не знала, что мне делать, как попрощаться с дедушкой. Так хотелось его обнять и не отпускать долго-долго!

Я даже собралась было это сделать, но потом подумала: «А вдруг он меня оттолкнёт, высвободится из моих объятий?» И я так и осталась сидеть, безвольно сложив руки на коленях.

Вдруг дедушка откашлялся. Я взглянула на него. Он смотрел на меня, и глаза его блестели. Неужели в них стояли слёзы?

Нет. Быть такого не могло. Дедушка никогда не плакал.

— Будь осторожна, — голос его звучал хрипло, — обещай мне!

— Обещаю.

Мы снова замолчали.

— Знаешь... Те вещи на чердаке... — вдруг сказал он. — Этюдник, книга о растениях, гербарий... Ты ведь часто их разглядываешь?

— Да, я думала, ты не против.

— Конечно, не против. Это даже хорошо.

Дедушка поднялся, подошёл к моей кровати, взял сложенную ночную рубашку, вернулся и сел. Он ласково провёл пальцем по воротнику и пуговицам.

— Обещай мне, что она не попадёт к тем вещам, в сундук.

Я кивнула. Ответить я не смогла, у меня в горле вырос ком.

Дедушка потерял всех, вдруг теперь он лишится и меня? Он останется совсем один. Мне стало жаль его, и в то же время я обрадовалась, что он боится потерять меня.

— Почему ты никогда не спрашивала?

— О чём?

— О том, что с ними случилось.

— С нашей семьёй?

Дедушка кивнул.

— Я... я не знаю.

— Не смела?

— Да. И потом я думала, что у тебя нет сил об этом рассказывать и ты только расстроишься.

— А я тебе не рассказывал, потому что думал, что расстроишься ты.

Я не смогла сдержать улыбку.

Дедушка допил последний глоток и отставил стакан в сторону.

— Как я уже говорил, засуха знакома мне не понаслышке.

— Да.

— Засуха их и погубила. Вернее, солнце.

Он притих и уставился прямо перед собой, словно вглядывался в невидимые мне картины из прошлого.

— В то лето, когда тебе исполнился год... совсем не было дождей. Становилось всё суше и суше. Солнце пекло день за днём. Оно погубило урожай. Листья на деревьях пожухли... Мы всё время пили воду, все, кроме тебя, тебя мама ещё кормила грудью.

Дедушка поднял на меня глаза.

— Не знаю, Лилия... Не знаю, стоит ли рассказывать тебе всё это.

— Стоит. Рассказывай.

Он в задумчивости кивнул, словно давая себе разрешение, и заговорил:

— Ручей за домом пересох, в его русле остался лишь песок. Нам пришлось ходить за водой к лесному озерцу.

Дедушка замолчал, его лицо исказила гримаса боли. Он перевёл дух, собираясь с силами, чтобы продолжать.

— Вода в озере была плохая. Отравленная. То ли где-то под берегом гнил мёртвый зверь, то ли какая другая зараза туда попала... Вся семья заболела. Кроме тебя, ведь ты не пила эту воду. Мы все слегли. Твои мама с папой и брат с сестрой лежали в спальне, бабушка здесь.

— А как же ты? — спросила я.

— Я тоже заболел, но не так тяжело, и потому ухаживал за всеми. Я кипятил воду, пытался заставить их есть, носил тебя к матери, чтобы она хоть понемногу, но кормила тебя.

Его глаза заблестели, и на сей раз я не сомневалась: то были слёзы.

— А потом они стали умирать. Один за другим. Прямо у меня на глазах. Сначала дети. Твои брат и сестра. Они были маленькие, вот и не выдержали, а я не знал, что мне сделать, чтобы спасти их. Потом у меня на руках скончалась твоя бабушка, моя жена. За ней твой отец, твой высокий, весёлый отец...

— А мама? — воскликнула я.

— Это самое худшее, — тихо проговорил он. — Я надеялся, что удастся сохранить хотя бы дочь, но она покинула меня. Она обезумела от горя, но какое-то время продолжала тебя кормить. И вот как-то раз она протянула мне тебя и прошептала, что я должен позаботиться о тебе. То были её последние слова: «Сбереги Лилию. Ради меня».

Дедушка повернулся ко мне, и наши глаза встретились.

— Но теперь я не смогу тебя сберечь, — прошептал он.

— Очевидно, мне придётся сделать это самой.

— Обещай мне, что будешь беречь себя. Обещай от всего сердца.

— Обещаю.

— Обещаешь, что вернёшься?

— Обещаю. От всего сердца.

Мы молча сидели и смотрели друг на друга. «Ну теперь-то я могу его обнять, — подумала я, — прижать к себе крепко-крепко. Или, может, он меня обнимет. Так, как обнимают детей только мама с папой да бабушка с дедушкой. А щетина у него, наверное, колючая. Ну и пусть! Только бы он обнял меня. Его объятие наполнит меня силой и мужеством и останется со мной навсегда, будет мне защитой, что бы со мной ни случилось».

Но никто из нас не шевельнулся. Мы застыли, как изваяния из камня.

В конце концов я встала.

— До свидания, дедушка! — сказала я. Что тут ещё скажешь.

— До свидания, Лилия!

Я надела рюкзак и вышла из дома, а дедушка остался сидеть на кровати, держа в руках мою ночную рубашку.

И всю дорогу до леса он стоял у меня перед глазами. Я представляла, как он поднимает мою рубашку, держит её перед собой, а потом прижимает к сердцу, крепко-крепко. И мне хотелось, чтобы на месте рубашки была я.

Мы шли к солнцу, прямо на него. Оно стояло над горами, обжигая своим губительным жаром всё вокруг, и светило нам в лицо. Спрятаться от его палящих лучей нам удалось только в лесу, под деревьями.

И если раньше, под бесконечным дождём, тёмный лес выглядел угрожающим, то теперь, зелёный, пронизанный солнечным светом, он, казалось, не мог таить никакой опасности. «Здесь с нами уж точно ничего плохого не случится», — подумала я, и всё же на душе было беспокойно.

Шли мы молча, поэтому всю дорогу я думала о своей семье, о том, как сильно они болели, как они, наверное, мучились. А потом умерли. Бедный папа, бедные брат с сестрой и бабушка. Бедная мама.

Солнце, по которому я всю жизнь тосковала, оказывается, убивало людей. Оно убило мою семью. «Проклятое солнце», — подумала я и тяжело вздохнула.

Мальчик повернулся ко мне.

— Что такое?

— Да так, ничего.

— О чём думаешь?

— Да так, ни о чём.

Расспрашивать он не стал, наверное, понял, что я не хочу говорить.

— Есть хочешь? — спросил он немного погодя.

Я кивнула.

Мы сняли с плеч рюкзаки, уселись в тени большой осины с серебристым стволом и достали два яблока и несколько холодных варёных картофелин. Еду надо было расходовать экономно. Да и на вкус она была не очень, много не съешь. Мне казалось, у неё уже появился гнилостный привкус, какой появляется, когда продукты слишком долго лежат в тепле.

Ко мне на рюкзак села божья коровка. Я поднесла палец, и она переползла на него.

— Божья коровка, улети на небо... — вдруг нараспев произнёс Мальчик.

— Что-что?

— Да так, выучил когда-то давным-давно.

Божья коровка тихонечко сидела у меня на пальце.

— Мы ещё называли её «марьяна курочка». Раз, два, три, четыре, пять. Пять точек, — подсчитал Мальчик.

— Мою маму звали Марией.

Вдруг я поняла, как тяжело мне даются слова. Мамы больше нет, и я никогда её не увижу. Солнце забрало её.

Собака положила голову мне на колени, будто хотела утешить.

— Мария... Хорошее имя, — сказал Мальчик.

Потом подумал немного и продолжил:

— Имя Мария, или Марья, есть в названии многих растений.

— Да, например, первоцвета, или «ключей Марии», как у нас в деревне называют этот цветок, — отозвалась я.

— А ещё есть листья Марии, марьин корень, марьянник, марьин башмачок.

— Марьин башмачок. Как красиво!

— И тот и другой — жёлтые, как солнце, — добавил он.

— Мы часто называем природу зелёной, но если приглядеться, то жёлтый цвет встречается повсюду.

Я кивнула. «Хорошо подмечено», — подумала я, и эта мысль помогла мне проглотить комок в горле.

— Жёлтый — мой любимый цвет, — сказала я.

— И мой!

И в тот же миг божья коровка расправила крылышки и взлетела.

— Ой, нет, погоди! — воскликнула я. — Побудь ещё немного!

Она полетела прямо к солнцу и вскоре исчезла в листе.

Мальчик вздохнул и поднялся.

— Нам тоже, пожалуй, пора идти.

В лесу стояла тишина. Ни ветерка, ни птичьего щебета.

— А что там за лесом? — спросила я Мальчика.

— Не знаю.

Мы замолчали. Слова были излишни. Оставалось просто идти вперёд и вперёд и не сдаваться.

Время от времени, когда хотелось пить или в животе бурчало от голода, мы делали привал. Ручьи всё ещё попадались, и мы наполняли фляги, но это случалось всё реже и реже. Пару раз мы останавливались, просто чтобы передохнуть. Мы укрывались от солнца под большими деревьями, искали глубокую тень. Я понятия не имею, сколько мы так шли, часы или дни. Время остановилось, как и солнце на небе.

— Может, лес вообще не заканчивается? — сказала я Мальчику.

Казалось, мы идём целую вечность. Вечность, в которой ничего не меняется. О том, что время, несмотря ни на что, движется, свидетельствовали

только мои ноги, которые уставали всё больше и больше, и плечи, которые всё сильнее натирал рюкзак.

Становилось всё жарче, даже под деревьями. Солнечные лучи высасывали из земли воду, и мох был уже не таким ярко-зелёным, как прежде. Молодые листочки на берёзах пожухли, а шишки на елях созрели, будто уже наступила осень.

А мы всё шли и шли.

Наконец деревья стали редеть, их сменил кустарник, и мы вышли на опушку леса. Перед нами вниз спускался пологий склон, а у его подножия раскинулась долина, которую надвое разрезала широкая, искрящаяся под яркими лучами солнца река. По другую сторону высился крутой каменистый откос, за ним виднелись горные вершины. А над горами стояло солнце. Туда нам и надо было любой ценой добраться.

Но Мальчик застыл, неотрывно глядя на реку. Он наморщил лоб, словно пытаясь собраться с мыслями.

— Что с тобой? — спросила я.

— Да нет, ничего. Или... Не знаю.

Проследив за направлением его взгляда, я кое-что увидела и показала рукой на берег.

— Смотри. Тут кто-то когда-то жил.

У реки виднелись развалины дома.

Мальчик медленно кивнул.

— Я тоже обратил на это внимание.

Он повернулся ко мне:

— Давай спустимся туда!

Пойти через долину означало сделать большой крюк, но я всё же согласилась. Похоже, Мальчику это было важно.

Пока мы спускались со склона, Мальчик выглядел притихшим. Мы молча миновали загон, где когда-то держали скот и откуда к дому вели едва заметные колеи от телеги. Нам то и дело приходилось пробираться среди кустов и молодых деревьев, которыми успела зарости старая дорога.

Я изредка поглядывала на Мальчика. Не говоря ни слова, словно забыв обо мне, он быстро и решительно двигался к цели. Собака бежала впереди, будто учуяла что-то.

Наконец мы подошли к реке. Течение было довольно сильное. Строе-ние, которое мы увидели сверху, оказалось сеновалом, причём сильно разрушенным. Черепицу сорвало ветром, остатки крыши поросли мхом, стены позеленели, окна были разбиты. Весь домик заплело вьюном: он поднимался по стенам, проникал сквозь разбитые окна и щели между до-сками.

Собака радостно суежилась, принюхивалась, будто искала что-то.

На берегу одиноко стоял огромный мёртвый дуб.

— Так это просто сеновал, — сказала я. — А где же остальные постройки? И что случилось с деревом? Оно всё почернело.

Мальчик не ответил. Он вышел на пологий песчаный берег, остановился и стал смотреть на воду. Я было двинулась за ним следом, но вдруг заметила, что по песку разбросана домашняя утварь. Очевидно, её вынесло на берег волной. Я подняла ржавую кочергу, неподалёку увидела половинку блюда с цветочным узором, тут же из песка торчала щётка для волос, щетины на ней почти не осталось.

«Ведь всё это когда-то кому-то принадлежало, — подумала я. — Кто-то любил это блюдо, выкладывал на него фрукты, осторожно мыл, чтобы цветочная роспись не стёрлась. Кто-то сидел у камина и ворошил угли этой кочергой. Кто-то причёсывался этой щёткой или причёсывал кого-то». Я представила, как мама расчёсывает волосы своей маленькой дочурке, как та слегка вскрикивает и мама изо всех сил старается орудовать щёткой как можно осторожнее, чтобы не причинять дочке боль.

Я положила щётку на место, а рядом бережно поставила ребром половинку блюда и прикопала — так оно выглядело целым, будто его другую половинку просто скрывал песок. Потом я подняла голову и краем глаза заметила, что в воде у берега что-то желтеет.

Я сняла сапоги и вошла в реку. Приятная прохлада остудила мои уставшие ноги. Я опустила руку в воду, раздвинула камни и вытащила на поверхность жёлтый предмет: детское ведёрко с удобной ручкой. На боку была нарисована весёлая уточка. Я наполнила ведёрко водой и сделала несколько глотков.

— Что там у тебя? — спросил Мальчик.

Я пошла ему навстречу, протягивая ведёрко.

— Смотри! Здесь жили дети!

Но вместо того чтобы взять у меня ведёрко, он вдруг отвернулся и с силой поддал ногой камень. Тишину прорезал глухой удар. Я подскочила к Мальчику и увидела в его глазах слёзы. И тут я всё поняла.

— Раньше это был твой дом, — медленно проговорила я. — Вот откуда ты родом.

В глазах Мальчика стоял ужас, смешанный с удивлением.

— Теперь я, кажется, припоминаю, кто я и что случилось.

Он взял у меня ведёрко, нежно провёл пальцем по улыбающейся уточке и кивнул.

— Я помню, как малышка играла с ним.

— Твоя сестрёнка? — произнесла я почти шёпотом, боясь, что мой голос прервёт его воспоминания.

— Не знаю... кажется... Да, точно. Моя сестра. Одна из моих сестёр.

Мальчик застыл на месте, будто вглядываясь в картины прошлого, а потом повернулся к реке.

— Кажется, река забрала их. Всю мою семью. Похоже, у меня просто не было сил об этом думать, я не мог...

Мальчик покачнулся, будто у него закружилась голова, опустился на песок и закрыл лицо руками.

Поскуливая, к нам подбежала Собака, покрутилась и улеглась у наших ног, а Мальчик продолжал:

— Когда я увидел это место, я стал припоминать...

Слова полились из него безудержным потоком, напоминавшим реку перед нами.

Мальчик рассказал о доме, стоявшем здесь когда-то, о красном доме у реки, со светлыми комнатами и просторной кухней, где места хватало всем. А места им требовалось много, семья была большая. По мере того как он говорил, лица всплывали в его памяти одно за другим, и он вспомнил их всех: маму с папой, сестёр — и старших, и младших. Он часто прятался от девчонок, не хотел играть в их девчачьи игры, ему больше нравилось бродить

по окрестным полям с Собакой. Он бы и в кровать её с собой брал, но ему не разрешали. Поэтому он сбегал ночевать на сеновал.

Когда Мальчик был совсем маленьким, солнце ещё светило, долина цвела и колосилась. А потом солнца не стало, наступили вечные сумерки, зарядили дожди, и о солнце дети могли только вспоминать и тосковать. Зерно в полях гнило, животные умирали, но, что было хуже всего, с каждым годом вода в реке прибывала. Их чудесная любимая река, даже в самые жаркие дни дававшая вдоволь прохладной свежей воды, прежде не таила никакой угрозы. Теперь же с каждым месяцем она становилась всё шире, а её течение — всё стремительнее. С каждым месяцем река подбиралась всё ближе к дому. Отец с тревогой посматривал вверх, на горные склоны, по которым струилась вода. Он то и дело повторял, что реки могут менять русло. Мальчик сам слышал, как отец говорил матери, что у реки жить опасно, надо переезжать. Но куда? Здесь был их дом, ехать им было некуда.

И вот, когда Мальчику исполнилось шесть, случилось то, чего отец так боялся. Как-то ночью выше по течению река пробила камень и песок и дикой серой змеей устремилась по новому руслу, снося всё на своём пути.

Мальчик спал на сеновале. Он проснулся от звука бурлящей воды. Собака стояла около него и выла. Он испугался, ему захотелось поскорее оказаться дома, забраться в кровать к маме и папе и уютно устроиться между ними. Мальчик вскочил и выбежал наружу. Никакого красного дома больше не было. Кругом лишь бурлили потоки воды. Он бежал по колено в воде, звал маму, папу, сестёр, но никто не откликался. Они исчезли. Река унесла их с собой, пока они спали, унесла всех до единого. Мальчик попытался поплыть к тому месту, где раньше стоял дом, но Собака уцепилась зубами за его штанину и удержала.

Он с трудом выбрался на берег, кинулся на траву и, сжимая Собаку в объятиях, разрыдался. Он плакал и плакал, и Собака дала ему выплакаться.

Мальчик не знал, сколько он пролежал так. Потом слёзы иссякли. Собака вылизала его щёки, и он понял, что надо вставать и идти.

Не сознавая, куда идёт, будто в тумане, Мальчик побрёл к лесу, где можно было укрыться под большими деревьями. Шёл он босой, и ноги замёрзли. Дождь не переставал, от холода Мальчика трясло. В конце концов он в изнеможении упал под большой сосной, обнял Собаку, и они уснули.

Проснулся Мальчик оттого, что кто-то трясёт его за плечо. Он открыл глаза и увидел чёрное от сажи лицо. Он испугался, подумал, ему снится сон, но женщина велела не пугаться и отвела их с Собакой в долину, где он постепенно отогрелся. Женщина дала ему еду, гамак для сна и сказала, что он может находиться в долине сколько пожелает. Она научила его ухаживать за растениями, и Мальчик стал выращивать фрукты и овощи. Она приходила и уходила, когда ей вздумается, а он старался не беспокоить её, потому что понял, что этого она и хочет.

— Так я оказался у Хранительницы, — завершил свой рассказ Мальчик. Он сидел и смотрел на реку, а потом повернулся ко мне. — И вот настал день, когда появилась ты. Пришла и изменила всё.

Я кивнула. Мы посидели молча ещё какое-то время, и вдруг в голову мне пришла мысль.

— А ты вспомнил, как тебя зовут?

— Что?

— У тебя же было имя?

Мальчик задумался. Потом медленно покачал головой.

— Нет... Нет, не помню.

Вдруг он вскочил и с ненавистью уставился на реку.

— Она отвратительна, правда?

Я тоже встала.

— Да. Она похожа на змею, как ты и говорил.

— Давай зададим ей как следует! Пошли!

Мальчик скинул одежду и кинулся в воду. С воплями он молотил по воде руками и ногами, будто дрался с ней.

— Я тебе покажу, проклятая! Получай, получай!

Я тоже разделась и побежала в воду за ним следом. Мы вместе стали драться с рекой.

— Гадина! — кричали мы хором. — Проклятая, мерзкая река!

Я, похоже, дралась не только с рекой, но и с солнцем, погубившим всю мою семью. Я била по воде кулаками, кидалась на неё грудью. Моя ярость словно была сродни этой воде, она выплёскивалась из меня и растворялась в реке.

Мои удары становились всё слабее. Я обернулась к Мальчику и брызнула на него водой.

— Эй, ты чего! — крикнул он и обрызгал меня в ответ.

Удержаться от смеха было невозможно, и мы расхохотались. Мы бесились, прыгали, толкали друг друга, ныряли, утаскивали друг друга под воду. В конце концов мы остались совершенно без сил.

Выбравшись на берег, мы уселись на песок обсохнуть. Мальчик взял мою руку в свою. Его рука была сухой, тёплой и мягкой. «Как же здорово сидеть вот так и держаться за руки», — подумала я. Я бы с удовольствием обняла его, но с объятиями у меня было не очень, поэтому я не стала и пытаться.

ГЛАВА 20

Мы продолжили путь к солнцу. Когда мы карабкались по каменистому склону горы, яркий свет слепил и жёг глаза. Подниматься по осыпи было тяжело, приходилось просчитывать каждое движение: того и гляди либо нога застрянет, либо схватишься за неустойчивый камень, и он свалится прямо тебе на голову.

С каждой минутой солнце будто увеличивалось в размерах.

Воду мы старались экономить, но из-за изнурительной жары мы пили больше, чем следовало.

Я с тоской вспоминала прохладную реку.

Осыпь мы преодолели, но толку от этого было мало. Всякий раз, когда мы думали, что достигли вершины, перед нами вырастала новая стена, и снова приходилось лезть вверх.

Собака скакала рядом. На четырёх лапах ей было проще держать равновесие, но она всё время поскуливала от жажды, и мы делали привал, чтобы напоить её.

В конце концов мы выбрались на горное плато. Зелёная долина с её пышной растительностью осталась внизу. Здесь мох и трава пожухли и высохли,

редкие карликовые берёзки цеплялись за трещины в камнях. Мы присели в их скудной тени, я устало привалилась спиной к тоненькому стволу, отхлебнула немного из фляги, подержала воду во рту. Она была тёплой и затхлой.

Мальчик огляделся.

— Ни одного большого дерева, — сказал он. — Никакой тени.

Он повернулся ко мне.

— И вода заканчивается.

Я сделала ещё глоток. Хотя вкус воды не изменился, он показался мне божественным. Захотелось осушить флягу одним махом.

Не отрывал взгляда от своей фляги и Мальчик. Он явно подумывал о том же, но взял себя в руки и крепко закрутил крышку. То же сделала и я.

— Есть хочешь? — спросил он.

— Нет, только пить.

— И я.

А ещё хотелось просто посидеть в тени и совсем не хотелось идти дальше. Спиной я ощущала шероховатый ствол берёзки. В нём было что-то надёжное, словно деревце удерживало меня на земле, не давало взмыть вверх

и испариться, как испаряются на солнце капли росы.

Что же удерживало на земле Хранительницу? Ведь солнце пекло нещадно и яростно рвалось ввысь. Рано или поздно она больше не сможет его удерживать и трос придётся отпустить.

Какой же силой надо обладать, чтобы противостоять солнцу! Сколько же в Хранительнице ярости! И сколько безысходности! Видимо, её сердце наполнено отчаянием до краёв... «В её глазах бесконечная печаль», — сказал как-то Мальчик.

Что сделало её такой? Почему, чтобы удержать солнце в плену, она шла на всё, рисковала жизнью?

«Пока не поздно, я должна найти её, — подумала я, — поговорить с ней, постараться понять».

Я встала и сунула флягу в рюкзак.

— Пойдём?

Мы продолжили путь по иссушенному солнцем плато, по мёртвому вереску и побуревшей траве, огибая каменные глыбы и заросли низкого кустарника. Остановок больше не делали, ели на ходу, воду пили крохотными глотками.

«Времени у нас в обрез, — думала я. — Надо торопиться». Но идти быстро становилось всё труднее. Мы устали, перегрелись, ноги гудели.

«Что будет, если у нас кончатся силы?» — спрашивала я себя. Делать привал под лучами раскалённого солнца не имело смысла.

Я выпрямилась. Останавливаться нельзя, надо преодолеть эту выжженную равнину, идти прямо к солнцу, которое становилось всё больше и всё горячее.

Первым его обнаружил Мальчик.

— Смотри, Лилия!

Я подняла глаза и посмотрела, куда он указывал.

— Думаешь, это и вправду...

— Да, это вода!

У нас словно прибыло сил. Мы побежали по сухой траве к мелкому озерцу. Мы с Мальчиком упали на колени и погрузили ладони в воду.

И вдруг мне в голову пришла ужасная мысль.

— Стой!

— Что такое? — Мальчик смотрел на меня с удивлением.

Я пристально разглядывала воду. На вид чистая и прозрачная, но мало ли...

— Вдруг она плохая, — сказала я. — Вдруг мы заболеем...

Мальчик задумался.

— Надо рискнуть. Если мы не попьём, нам придётся повернуть назад.

«Или мы погибнем от жажды», — подумала я, но вслух говорить не стала.

И тут Собака обнюхала воду и начала лакать. «У собак отличный нюх, — подумала я. — Она бы заметила, если что не так». Я опустила флягу в воду, наполнила и стала жадно пить. Мальчик последовал моему примеру. Когда мы напились, Собака прыгнула в озерцо и переплыла на тот берег. Выскочив, она стала отряхиваться, брызги полетели в разные стороны. Мы рассмеялись, однако наш смех звучал в тишине странно, казался слабым, беспомощным, и мы разом смолкли.

Какое-то время мы отдыхали у озерца, ели, пили, болтали ногами в воде, остужая их.

Вдруг Мальчик поднялся, приложил руку козырьком к глазам и посмотрел на солнце.

— Кажется, за то время, что мы тут сидели, оно выросло.

— Думаешь? — сказала я, хотя была полностью с ним согласна. Солнце на небе стало ещё больше, жар от него усилился.

— Интересно, как там впереди? Там, куда мы идём?

— Не знаю. Наверное, ещё жарче и ещё суше.

Мальчик кивнул, склонился над водой и стал наполнять фляги.

— Может, это последняя вода на нашем пути.

Прежде чем закрутить крышки, он долго держал под водой каждую флягу, чтобы убедиться, что заполнил её доверху. Потом Мальчик повернулся к Собаке.

— А что нам делать с тобой? — тихо произнёс он.

И я поняла, что он имеет в виду.

На троих воды нам не хватит.

— Ну мы же не можем оставить её здесь!

— Боюсь, придётся.

Мальчик присел на корточки и зарылся лицом в её шерсть.

— Ты должна остаться здесь, — прошептал он. — Жди нас здесь, у воды. Мы вернёмся за тобой. Ты меня поняла?

Собака заскулила и уставилась на него своими большими круглыми глазами. Было непохоже, что она что-либо поняла.

— Мы скоро вернёмся, — сказал Мальчик и поднялся. — Жди тут. Сидеть! Ждать! Вот так, молодчина!

Собака поскуливала, но делала, как велели, она привыкла слушаться хозяина. И пока мы шли по каменистому плато, собака не сдвинулась с места.

Каждый раз, оглядываясь, мы видели, как она сидит, смотрит нам вслед и виляет хвостом в надежде, что мы вернёмся, но приказа Мальчика Собака не нарушала.

Мне уже её не хватало, и я почувствовала себя ужасно одинокой. В этой каменистой пустыне мы с Мальчиком остались одни, с Собакой мы были сильнее. Когда нас было трое, мы были группой, трое — это много. А двое — это всего лишь двое.

В конце концов Собака превратилась в точку на горизонте. И хотя её больше не было видно, я всё время представляла себе её большие добрые глаза, глядящие нам вслед. Она ждала. Ждала, не зная, вернёмся ли мы когда-нибудь.

Мальчик громко и протяжно зевнул. Глаза его покраснели, веки припухли. Шёл он медленно, еле волоча ноги и слегка покачиваясь.

Мне и самой в глаза будто песка насыпали, я едва держала их открытыми. Ноги отяжелели, я с трудом заставляла себя идти.

В конце концов Мальчик повернулся ко мне.

— Нам... — он зевнул. — Надо поспать.

И он снова широко, в пол-лица, зевнул.

— На солнце останавливаться нельзя. Давай поищем тень.

Мы пошли дальше в поисках тени.

— Вон, смотри! — Мальчик показывал на огромный валун, дававший небольшую полосу тени.

— Нам обоим места не хватит.

Мы побрели дальше.

— А там? — он показал на осыпь, где среди камней возвышалось несколько валунов.

— Опасно. Камни могут осыпаться.

Мальчик неохотно кивнул.

Мы молча побрели дальше, высматривая, где бы нам укрыться от солнца. Стараясь целиком сосредоточиться на ходьбе, я стала считать шаги. Десять, двадцать, тридцать. Но каждый раз, насчитав больше тридцати шагов, я сбивалась со счёта и вынуждена была начинать сначала.

— Что это там? — вдруг спросил Мальчик.

Прямо перед нами посреди плоскогорья выросли чёрные тени. Сил сразу будто прибыло, я забыла о счёте, и мы поспешили к ним.

Подойдя поближе, мы увидели четыре высоких чёрных камня. Точно тролль как-то раз улёгся спать с открытым ртом, да так и не проснулся, и от него остались только зубы. Камни были явно старые и простояли здесь тысячу лет, а может, и ещё дольше, их источили дожди и ветры, они поросли мхом.

— Как они сюда попали? — Я осторожно дотронулась до одного из них. — Кто-то же явно их здесь установил.

— Мне всё равно. Главное, мы нашли тень, — сказал Мальчик. — Я выбираю вот этот.

Мальчик опустился на землю у одного из камней, сделал пару глотков из фляги, подложил под голову рюкзак, лёг и уснул.

Я, в общем-то, против ничего не имела. Размышлять над тем, кто высек и установил эти каменные глыбы, не осталось сил. Я была счастлива уже тем, что можно выпастись в их прохладной тени. Не ожидала, что когда-нибудь буду так радоваться тени. Я легла, закрыла глаза и тоже уснула.

...Дедушка крепко спит. Солнце печёт невыносимо. Его лучи падают на цветок во дворе, прожигают лепестки, листья, и они рассыпаются в пепел. Огонь перескакивает на соседний цветок, потом на следующий. Пламя рекой течёт по сухой траве, подбираясь всё ближе и ближе к дому, в воздухе выются искры. Они попадают на стену дома, деревянная обшивка вспыхивает, и вот уже пламя лижет стену. А дедушка спит и ничего не замечает.

Пламя ползёт всё выше и выше, переползает подоконник и устремляется внутрь.

Дедушка, дедушка, не-е-ет!..

Я резко проснулась и, тяжело дыша, села. Во рту пересохло. Я вытащила флягу и сделала глоток воды. Это помогло, дыхание понемногу успокоилось. Мальчик спал, будить его не хотелось, но нам нужно было спешить. Солнце выпаривало из земли влагу, скоро земля иссохнет, и всё сгорит. Не знаю как, но мы должны заставить Хранительницу отпустить солнце. Пока не поздно.

Я осторожно потормошила Мальчика за плечо. Он сел, хлопая глазами и оторопело оглядываясь.

— Ах, да. Вот мы где. Я думал, мне просто снится плохой сон.

Он вздохнул.

— Я тоже, но нам надо торопиться.

Мальчик встал.

Я надела на плечи рюкзак и обернулась.

— Ты идёшь?

Но он стоял на месте, уставившись на каменную глыбу. Потом шагнул к ней и соскрёб ногтем немного мха.

— Там что-то есть, — сказал он. — Рисунки.

Я подошла поближе. Мальчик достал ножик и стал соскребать мох. Он оказался прав: камень был покрыт рисунками и странными узорами.

Должно быть, рисунки были очень древними: простые линии, нанесённые красно-коричневой краской на грубую поверхность камня. Как будто рисовал ребёнок. Понять, что нарисовано, не составляло труда.

— Смотри, — произнёс Мальчик. — Это деревня: дома и люди.

— И колоски. Они выращивали зерно.

— А тут они, кажется, танцуют, — показал он на фигурки, держащиеся за руки.

— Наверное, что-то празднуют.

Мы подошли к следующему камню, и Мальчик соскрёб ножом мох. Рисунок был другим: колоски лежали на земле, мёртвые, а посреди камня был нарисован большой огненно-красный круг с расходящимися во все стороны лучами. В самом низу стоял человечек, совсем один.

— Засуха, — сказал Мальчик. — Это точно засуха.

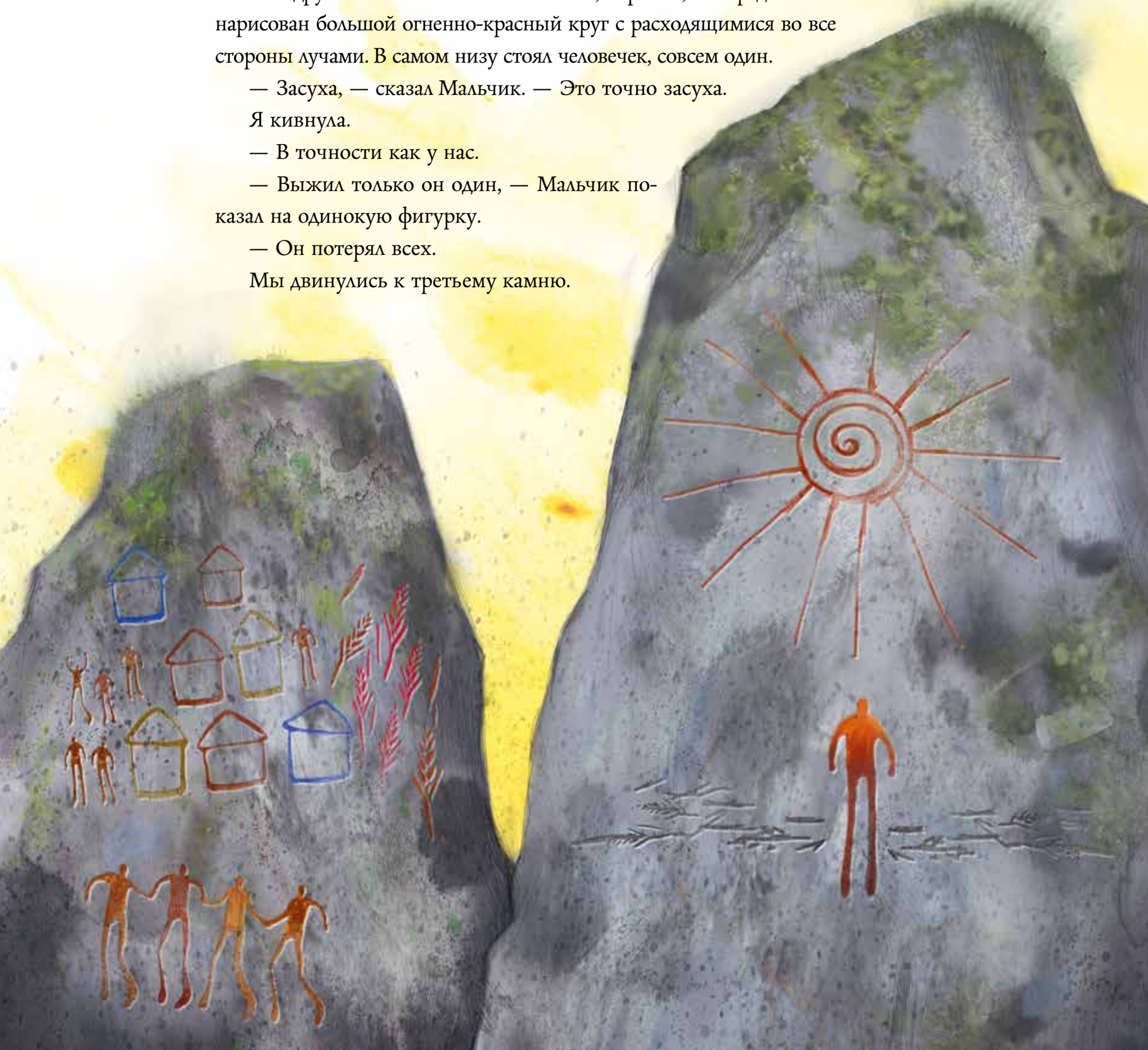
Я кивнула.

— В точности как у нас.

— Выжил только он один, — Мальчик показал на одинокую фигурку.

— Он потерял всех.

Мы двинулись к третьему камню.

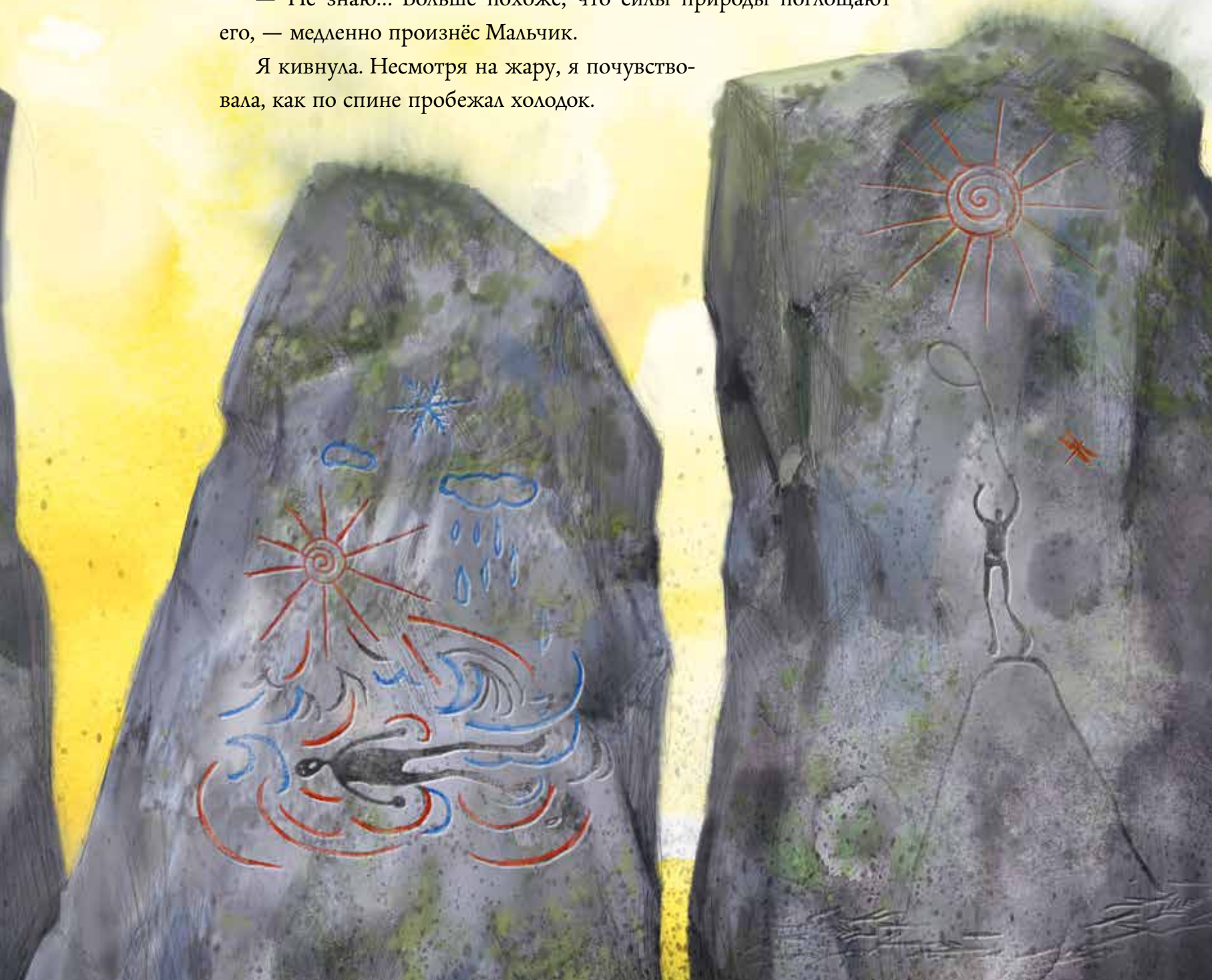

На рисунке одинокий человечек, казалось, парит в воздухе. Его глаза закрыты, но рот распахнут, будто он кричит от ужаса или от боли. Над ним нарисованы и солнце, и дождевые тучи, и снежинки. Возможно, это означало, что он лежит там при любой погоде. Изображённые вокруг него солнечные лучи и волны словно укутывают его в кокон. Мне стало не по себе.

— Он спит? — спросила я.

— Не знаю... Больше похоже, что силы природы поглощают его, — медленно произнёс Мальчик.

Я кивнула. Несмотря на жару, я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Мы подошли к четвёртому, последнему камню. Краски на нём были другими. Солнце по-прежнему было нарисовано красным, но остальное — грустными серыми красками. Вокруг главного изображения шёл узор из сгоревших чёрных колосков. В центре, на высокой горе, стоял человек. На сей раз его нарисовали серым. В руках он держал лассо, которое забрасывал в воздух, пытаясь поймать солнце.

— Это же трос, — проговорила я. — Тот самый, что у Хранительницы.

— Но почему человек стал серым? — спросил Мальчик.

— Наверное, это цена, которую приходится заплатить: лишиться цвета.

Мы застыли перед рисунком. И чем дольше мы на него смотрели, тем яснее становилось нам его содержание.

— Наверное, цвета отражают состояние души, — серьёзно произнёс Мальчик.

Я кивнула.

— И сердца.

Мы присели в тени у четвёртого камня и съели по холодной варёной репе. И хотя живот сводило от голода, глотать было трудно. Я старалась не думать о том, что нас ждёт, но лицо Хранительницы стояло перед глазами: колющий взгляд, чёрная от копоти кожа. И это видение мешалось в голове с изображением человека на камне и его безмолвного крика. Я представляла, как Хранительница кричит, теряя все цвета, всю радость. И сердце.

И тут мне пришло на ум, что совсем уж бессердечной её назвать нельзя, ведь она позаботилась о Мальчике. И о том, чтобы у нас в деревне была еда. Значит, что-то уцелело, какие-то остатки доброты. И я уцепилась за эту мысль.

Настало время двигаться в путь.

Шли мы молча. Даже слова давались с трудом, а ведь нам ещё понадобятся силы для предстоящей схватки.

Иногда мы останавливались попить. Воду мы берегли, расходовали понемногу, и всё равно она заканчивалась слишком быстро. Вскоре воды во флягах осталось лишь на пару глотков.

Солнце нависало над нами огненным шаром. На небе не было ни облачка, а кругом — ни одной зелёной травинки, земля потрескалась, и ветер гонял тучи пыли.

Мы подошли к высокой горе с плоской вершиной и начали крутой подъём. «Как она похожа на ту гору на рисунке, — подумала я. — А может, и вправду та самая?»

За каменистый склон цеплялись карликовые берёзки, согнутые непогодой и ветром. Листья на них пожелтели и уже опадали, словно наступила осень. С каждым шагом становилось всё жарче и суше, пошли деревца, на которых не осталось ни единого листочка, их голые чёрные ветки тянулись к небу, словно умоляя о помощи.

Я вся взмокла, лицо Мальчика покраснело, на лбу выступили капельки пота, он тяжело дышал.

Вдруг Мальчик остановился и посмотрел на меня, будто спрашивая, хватит ли у нас сил. Я взяла его за руку и слегка сжала. «Да, хватит», — говорило это пожатие. Так мы и пошли дальше, держась за руки, хотя наши ладони были горячими и потными.

Поднимаешь правую ногу, ставишь перед собой. Стараясь сохранить равновесие, проверяешь, надёжно ли держится камень, на который ступаешь. Поднимаешь левую ногу, ставишь перед собой... Главное — не обращать внимания на боль в суставах, на рюкзак, оттягивающий плечи, на струящийся по спине и лицу пот, на прилипающую к телу одежду, на сухость во рту.

Правая нога.

Левая.

Главное — идти вперёд.

Идти.

Идти.

У меня кружилась голова, перед глазами плясали чёрные точки. Солнце слепило. Но Мальчик крепко держал меня за руку, и я знала, что он ни за что её не отпустит.

Вдруг мы увидели трос, огненной струной тянущийся с вершины горы ввысь.

Мы ускорили шаг. Вскоре склон стал таким крутым, что нам пришлось карабкаться по нему. Каждое движение давалось с трудом, воздуха не хватало.

В конце концов мы забрались на вершину, напоминавшую кратер давным-давно потухшего вулкана. Там мы ЕЁ и нашли.

Хранительница солнца стояла спиной к нам на коленях, сгорбившись и опустив голову. Обеими руками она крепко держала трос. На вершине не сохранилось ничего живого, от деревьев остались лишь обугленные пни, от листвы — пепел. Вокруг Хранительницы земля была выжжена дотла, а она сама напоминала тлеющую головешку.

Нас Хранительница не замечала. Она раскачивалась взад-вперёд. Похоже, она собиралась остаться здесь навечно.

Солнце нависало прямо над ней, трос был сильно натянут. Время от времени он вздрагивал, будто солнце рывком пыталось высвободиться, и тогда Хранительница вцеплялась ещё крепче.

— Нет! — вскрикивала она. — Нет!

Мы остановились. На краю кратера росла уцелевшая каким-то чудом ель, она отбрасывала узкую тень, и мы тихонько прокрались туда.

— Что нам делать? — прошептал Мальчик, когда мы укрылись в тени.

Я посмотрела на него. Ответа у меня не было.

— Она не отпустит, — проговорил он.

— Надо попробовать.

— Попробовать что?

— Поговорить с ней.

— Бесполезно.

— Как бы то ни было, попытаться мы должны!

Я вышла из тени и оглянулась на Мальчика, чтобы проверить, идёт ли он. Он кивнул и последовал за мной.

К Хранительнице мы приближались медленно и осторожно, словно не хотели, чтобы она нас заметила, но хотели-то мы ровно обратного. Меня трясло, сердце в груди трепетало, но я всё равно шла вперёд.

Хранительница увидела нас, только когда мы вошли в выжженный круг. Она подняла голову и уставилась на нас, больше никак не реагируя на наше присутствие. На чёрном от копоти лице глаза светились белым, но взгляд

был беспросветно-тёмным и бездонным. Она напоминала до смерти напуганного разъярённого зверя.

Мы переглянулись. Мальчик открыл было рот и снова закрыл, точно не нашёлся, что сказать. Он едва заметно кивнул мне, явно предлагая заговорить первой.

Я сделала шаг вперёд и почувствовала обжигающий жар, исходящий то ли от Хранительницы, то ли от троса, то ли от них обоих.

— Отпустите! — произнесла я срывающимся голосом. — Вы должны отпустить солнце!

Хранительница поднялась на ноги. Движения были скованными, будто она сидела скрючившись так долго, что забыла, каково это — двигаться. Она покачала головой и отступила от нас на шаг.

— Уходите! — проговорила она сипло. — Не вмешивайтесь!

Мальчик с отчаянием смотрел на Хранительницу. Наконец он нашёл слова:

— Мы все погибнем, вы этого хотите?

— Просто уходите, — сказала она чуть громче. — Я справлюсь. Солнце вернётся во тьму. Я укрошу его. Как в прошлый раз. В конце концов оно повинется мне. Просто держитесь подальше, пока всё не закончится.

— Ну пожалуйста! — попросила я. — Ничто не закончится, пока вы не отпустите.

— Я не отпущу, — отрезала Хранительница. — Ни за что не отпущу.

— Но, — Мальчик заговорил увереннее, — солнце вам не одолеть.

Тогда Хранительница подняла голову и уставилась на нас. Рот был широко открыт, глаза пылали яростью.

— Я никогда не отпущу, слышите? — заорала она. — НИКОГДА!

В тот же миг солнце вспыхнуло у неё над головой так ярко, что мне показалось, будто его огонь прожёт мне сердце.

— Бежим! — крикнул Мальчик.

ГЛАВА 23

Мы бросились к ели. Я слышала только стук сердца где-то в горле и стук ног по каменистой земле. Быстрее. Быстрее.

Я бежала впереди, Мальчик за мной. Я обернулась и увидела, что Мальчик отстал, он двигался слишком медленно, будто солнце уже поймало его в сплетённую из длинных лучей огненную сеть.

— Скорее! Скорее! — крикнула я.

Жар становился всё сильнее, лучи всё злее — длинные огненные руки так и старались схватить нас.

Я нырнула в тень и ощутила запах сухого дерева и хвои, такой домашний и уютный. Но Мальчик всё ещё бежал, бежал, чуть не падая, и с каждым шагом будто усыхал, будто из него испарялась вся сила — так солнце иссушало землю вокруг, превращая в безжизненную пустыню.

— Беги же! — снова крикнула я.

Но, похоже, у него кружилась голова, потому что его качало.

— Мальчик! — позвала я, но это был скорее всхлип, чем крик.

До тени ему оставалось всего несколько метров. Я протянула к нему руки, но потом решила и выбежала на солнце. Я успела ощутить кожей

палящие лучи, подскочила к Мальчику, подхватила его под мышки и втащила под ель.

Мы рухнули на землю и подползли поближе к стволу. Чёрный круг, в центре которого стояла Хранительница, рос на глазах, солнце выжигало кратер.

— Оно всё сожжёт! — всхлипнул Мальчик. — Надо убираться отсюда!

Ответить ему я не смогла, во рту пересохло, мне ужасно, безумно хотелось пить. Точно я сама превратилась в выжженную землю, точно во мне не осталось ни капли влаги. Да и убежать мы не могли. Солнце было повсюду, жгучее и смертельно опасное.

Мальчик в изнеможении распластался под ёлкой, из глаз текли слёзы.

— Не плачь, — прошептала я. — Слёзы — это тоже вода. Их надо беречь.

Но он всё плакал и плакал.

— Пить, как я хочу пить, — шептал он.

Я открыла рюкзак, достала флягу и вылила последние капли ему в рот.

Мальчик свернулся калачиком.

— Вода, — пробормотал он. — Вода.

И закрыл глаза.

— Мальчик! — я потрясла его за плечо. — Мальчик! Не оставляй меня!

Но он не отвечал.

Я всё шептала и шептала ему на ухо, потому что слышала, что его дыхание слабеет, и знала, что, если ничего не делать, он покинет меня навсегда.

Но что я могла?! Хранительница крепко держала на привязи огромный огненный шар, она отдала за него душу и ни за что не отпустит.

Я свернулась калачиком рядом с Мальчиком и закрыла глаза. Его дыхание слабело, он погибал. И я погибну вместе с ним. Кровь в жилах будет течь всё медленнее и медленнее, пока не остановится совсем и не высохнет. И меня больше не будет. Я исчезну навсегда.

Исчезну...

И вдруг что-то прервало мои мысли. Звук.

Лай? Неужели лай? И лёгкий топот?

Да... Дробный топот приближался.

Я открыла глаза. Перед глазами метнулась тень, и в следующее мгновение я поняла, что это тень моего самого любимого животного на свете — нашей Собаки.

Поскуливая, она лизнула меня в нос своим мокрым шершавым языком. И тут я осознала, что у моего лица что-то стоит. Маленькое детское ведёрко, которое мы нашли в реке. А в нём была вода.

Кровь будто потекла быстрее, мне удалось сесть. Дрожащими руками я схватила ведёрко и стала пить жадными глотками.

— Собака, — проговорила я. — Дорогая, любимая моя. Спасибо!

Собака снова заскулила и в изнеможении рухнула возле Мальчика. Я приподняла Мальчику голову и осторожно влила несколько капель воды ему в рот. Он не глотал.

— Ну давай же!

Я попыталась ещё раз, но вода вытекала из уголков его рта.

— Пожалуйста! — взмолилась я.

Мальчик не реагировал.

Я сидела, положив его голову себе на колени. Собака лежала рядом с закрытыми глазами. Казалось, прошла целая вечность или, наоборот, время остановилось.

Вот мы наконец вместе. И все трое погибнем. Собака проделала весь этот долгий путь напрасно, вода не спасёт, ничто нас не спасёт. И в этом моя вина. Это я убедила Мальчика, что мы должны освободить солнце. И теперь дела хуже некуда.

А мой старенький дедушка сидит дома один-одинёшенек и прижимает к груди мою рубашку. Мне так никогда и не доведётся обнять его.

Потом я стала вспоминать Тома и Тею, радость в их глазах, когда они играли в ручье. Больше я их не увижу, не скажу Тее, что она по-прежнему моя лучшая подруга, только мне наскучили детские игры, не предложу ей вместо них пойти погулять.

Я думала о жителях деревни, о пастухе Юнасе, о крестьянке Анне, о старике Исаке. Они погибнут, все до единого. Когда земля высохнет, вода в реках, ручьях и колодцах испарится, солнце будет продолжать светить, только вот природа и люди погибнут. Весь мир сторит.

Мне так и не посчастливилось встретить настоящую весну, увидеть пробуждающуюся природу во всей красе, когда всё увядшее и мёртвое вдруг превращается в живое и цветущее. Я умру, так и не увидев, что такое весна на самом деле. Таким будет конец моей истории. Всё детство я мечтала о весне и об объятиях. Но теперь всё кончено, а мечты так и не сбылись. Это должно было привести меня в ярость или в уныние, но жара и жажда так меня измучили, что я ничего не чувствовала.

Я сделала глоток воды из ведёрка, откинулась на ствол ёлки и подняла глаза вверх, где сквозь сухие ветки проглядывало небо.

«Сейчас я закрою глаза, — подумала я, — засну, и всё это закончится».

И тут что-то попало в поле моего зрения. Что-то зелёное и яркое. Я услышала жужжание и стрёкот крыльев. Я выпрямилась, моргнула. Показалось?

Нет.

Там что-то было, мерцающее, почти прозрачное, готовое в любой момент раствориться в воздухе.

Стрекоза.

Она вылетела из тени дерева и повисла передо мной, будто звала куда-то. Стрекоза помогла мне не заблудиться в лесу и теперь снова указывала мне путь. Неужели она прилетела за мной? Или была здесь всё это время? Недолго думая, я встала, взяла ведёрко, выпила последние капли воды и вышла на палящее солнце. Ведь если Хранительница выдерживает жгучий зной, выдержу и я.

Я не знала, что скажу или сделаю, я просто знала, что должна попытаться в последний раз достучаться до неё, ведь где-то в глубине души у неё, несомненно, осталось что-то человеческое. Я расскажу ей о своих мечтах, которыми не смела делиться ни с кем, даже с дедушкой, заставлю выслушать свою историю. И тогда, закончится ли она здесь и сейчас, будет зависеть только от Хранительницы.

Жара солнца я уже не чувствовала. Стрекоза летела рядом, а я спокойно шла к Хранительнице. Та меня явно не замечала, она снова опустилась на колени и принялась раскачиваться взад-вперёд. Когда я подошла вплотную, она подняла на меня глаза и вздрогнула.

— Так нельзя, — прошипела она. — Тебе надо чем-то прикрыться от солнца.

— Но вы же его не боитесь.

— Прячься! Иди в тень! Уходи!

— Не уйду. Мне надо кое-что вам сказать.

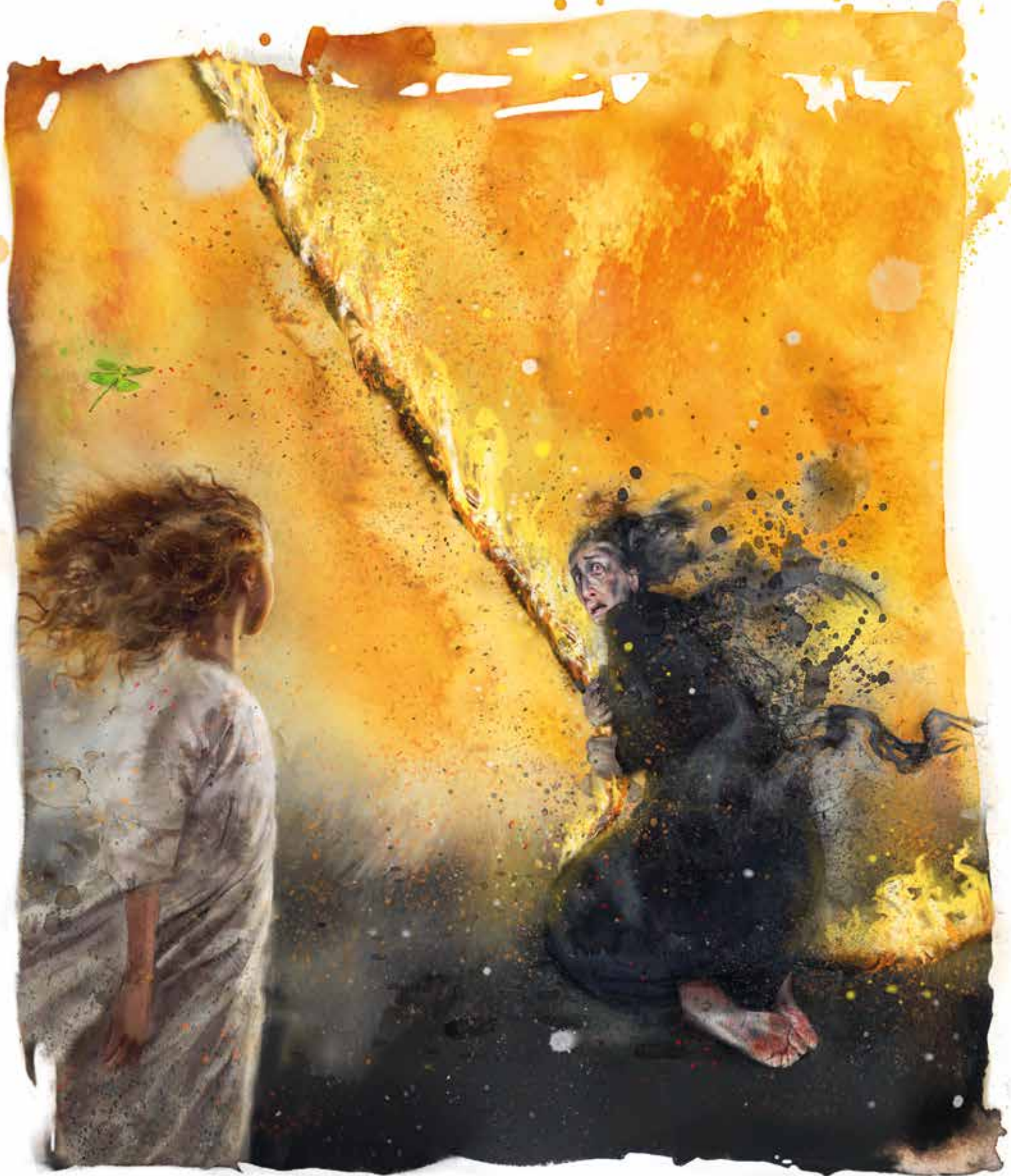
— Пожалуйста! — Она чуть не плакала. — Просто укройся где-нибудь, пока я не верну солнце.

— Нет! — Я перевела дух и продолжила: — Вам придётся меня выслушать. Я хочу, чтобы вы знали, каково это — быть мной.

Хранительница не отводила от меня глаз, мы обе молчали.

В голове роились слова, сотни слов, но первыми вырвались самые главные:

— Меня никогда никто не обнимал. Родители умерли. Вся моя семья погибла от засухи, и с тех пор нормальной жизни у меня больше не было.

Хранительница пристально вглядывалась в меня, и что-то в её взгляде говорило, что мои слова достигают цели.

— У меня остался только дедушка. И хотя ближе него у меня никого нет, я никогда не смела рассказывать ему о своих мечтах.

Слова давались мне с трудом, но я пересилила себя, тем более что Хранительница меня не прерывала. Может, она и вправду хотела услышать мой рассказ.

— А их у меня много, — продолжила я. — Я мечтаю о цветущих душистых лугах летом, о красках осени, об искристом снеге зимой. А больше всего на свете я мечтаю о весне — о распускающихся клейких листочках, о пушистых веточках вербы, о подснежниках и мать-и-мачехе... О жизни, к которой пробуждается спящая природа. Я мечтаю о переменах. С тех пор как вы отняли у нас солнце, всё замерло, настала долгая череда унылых серых дней. Ничего не менялось, в том числе и в моей жизни. Может, поэтому я никогда и не осмеливалась попросить дедушку меня обнять. Ведь я думала, что всё так и должно быть. И что это навсегда. Я считала себя таким растеньицем, которое способно обходиться малым, которому не надо расти. Но это не так. А теперь...

Я представила доброе лицо дедушки и поняла, как сильно по нему скучаю.

— Теперь мне уже никогда не рассказать дедушке о своих мечтах и чувствах, ведь я погибну, сгорю вместе со всем остальным миром. В тот раз вам удалось поймать солнце, тогда вы были сильнее, а солнце слабее. На сей раз вам это не удастся. Вы будете бороться, пока всё не сгорит дотла, пока вы всё не уничтожите.

— Нет, — прошептала она. — Нет, Лилия. Так не будет, так не должно случиться, ведь я хотела совсем не этого.

Я вздрогнула.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Хранительница склонила голову и снова принялась раскачиваться взад-вперёд. Видимо, никак не могла собраться с силами ответить мне.

И тут я страшно разозлилась на неё. За то, что не отвечает, творит, что ей в голову взбредёт, и ни о ком, кроме себя, не думает.

— А если бы на моём месте оказался ваш собственный ребёнок? — закричала я. — Ваш ребёнок, который потерял в засуху всю свою семью, остался

один со стареньким дедушкой и больше всего на свете мечтал о том, чтобы его приласкали! Тогда вы бы отпустили? Если бы я была вашей дочерью, вы бы отпустили?!

Хранительница подняла голову и посмотрела на меня. И вдруг я поняла, что взгляд её глаз изменился, будто они принадлежали другой женщине, нежной, человеческой. А ведь она смотрела на меня так и раньше, задолго до того, как стала Хранительницей солнца. Я узнала этот взгляд, я помнила его из далёкого прошлого. Может, с тех пор как была совсем крохой, я помнила не прикосновения солнечных лучей, а этот взгляд, не похожий ни на что другое, ведь от его прикосновения таяло сердце и на душе становилось легко и спокойно.

И тут всё будто встало на свои места. Сколько раз я смутно чувствовала это, пыталась подступиться к этой догадке, но она всё время ускользала, как песок сквозь пальцы. И наконец я произнесла это вслух, и когда слова прозвучали, они стали правдой:

— Я и есть твой ребёнок.

Повисла мёртвая тишина.

«Я потерял её», — говорил дедушка. Он ни разу не сказал, что она умерла. Он говорил, что она обезумела от горя и отдала меня ему со словами: «Сбереги Лилию. Ради меня».

Моя мама ушла, чтобы захватить в плен солнце, отказалась от всего: от себя, от доброты, от многоцветия мира. От меня.

Но при этом... она не выпускала меня из виду, заботилась о том, чтобы я не голодала.

— Лилия, — заговорила наконец Хранительница. — Я хочу тебе объяснить...

— Ты должна отпустить солнце, — перебила я. — Пожалуйста!

— Как ты не понимаешь! Я же делаю это ради тебя. Я отдала свою жизнь, чтобы ты не лишилась своей. Я потеряла всех, у меня осталась только ты. Я не могла потерять и тебя.

— Но ты меня уже потеряла! Ты отдала меня. В гневе ты забыла, что ты прежде всего моя мама. Потому что тебя переполняла ненависть к солнцу. Ты жаждала мести!

— Лилия, всё совсем не так, — неожиданно тихим голосом произнесла Хранительница, она с трудом подбирала слова, будто вдруг и сама засомневалась в том, что говорит. — Я поступила так, чтобы защитить тебя... Это ты понимаешь?

— Нет! — отрезала я, ощутив, как меня саму прямо разрывает от ярости. — Не понимаю. Я понимаю только, что мне просто необходимы и дождь, и солнце, и осень, и весна. И что я не какое-то там растение, которое способно обходиться малым, а самый обычный ребёнок. И что скоро я вырасту, стану взрослой, так и не получив того, что мне жизненно необходимо. И что это неправильно. Так не должно быть, мама!

Услышав слово «мама», Хранительница вздрогнула.

— Мама? — прошептала она.

— Да. Послушай меня. Если ты хоть когда-нибудь меня любила, услышь меня, мама!

По телу Хранительницы пробежала дрожь. Она распахнула руки, будто хотела обнять меня, и... трос выскользнул. Хранительница потянулась за ним, пытаясь поймать, но она двигалась слишком медленно, а солнце было сильным и быстрым, и трос уже находился в нескольких метрах от нас.

— О нет... — всхлипнула она, провожая взглядом исчезающий в зареве света трос.

А солнце стремительно поднималось в небо. Всё выше и выше.

ГЛАВА 25

Мы застыли на месте, провожая взглядом удаляющееся солнце. Оно становилось всё меньше, меньше и в конце концов превратилось в маленький шар высоко-высоко в небе. Страшная жара отступала, природа словно заново обретала способность дышать.

Мы стояли бок о бок, подняв лица к небу, не говоря ни слова, не шевелясь, и тоже просто дышали.

И вдруг откуда ни возьмись на небе появились облака. Они медленно плыли к солнцу, пушистые белые облака, похожие на кругленьких упитанных овечек. Облака укрыли солнце лёгкой пеленой, и вскоре стало ещё немного прохладнее.

Я повернулась к Хранительнице солнца, но никакой грозной Хранительницы не увидела. Передо мной стояла невысокая худенькая женщина с круглыми глазами, маленьким ртом и носом, похожим на мой. С её глаз будто сошла пелена, будто раньше она смотрела на всё со дна моря, сквозь толщу воды, а теперь наконец поднялась на поверхность и увидела всё в реальном свете. Хранительница солнца стала Марией. «Ко мне вернулась мама, — подумала я, — я больше не сирота, у меня действительно есть мама». Минуту

назад она тянула ко мне руки, чтобы обнять, а теперь они безвольно висели вдоль туловища.

Я сделала шаг к ней. Неужели она так меня и не обнимет?

— Лилия... — сказала она и замолчала.

Внезапно она вскинула голову. Рот перекосила гримаса, и я увидела, что, хотя она больше и не Хранительница солнца, что-то неуловимое отличает её от меня и остальных людей. Она выглядела такой растерянной и отчаявшейся, что на неё было больно смотреть. Она попыталась заглянуть мне в глаза.

— Ты Лилия? — спросила она, голос её звучал странно, как будто издали. — Ты действительно Лилия?

— Да, — кивнула я. — Это я.

— А солнце? Я держала его...

— А потом отпустила.

Она медленно кивнула, не отводя от меня глаз.

— Как ты выросла, — удивлённо проговорила она.

— Да, я почти взрослая.

— Когда ты только успела...

И это был не вопрос, похоже, она сказала это себе, не мне.

Я отвернулась и сглотнула ком в горле, потому что поняла, что никаких объятий не будет. Может, она снова и стала Марией, но она всё ещё не стала моей мамой.

И тут я заметила под ёлкой какое-то движение. Мальчик пытался подняться, а около него, покачиваясь, стояла Собака. Я побежала к ним. Мальчик едва держался на ногах, но всё же сделал несколько неуверенных шагов мне навстречу.

Мы не сказали друг другу ни слова, он просто взял меня за руку и крепко сжал её. Так, держась за руки, мы и двинулись в обратный путь. Собака бегала взад-вперёд, радостно махая хвостом оттого, что мы снова были вместе.

А за нами шла Мария. Она держалась от нас на приличном расстоянии, но каждый раз, оглядываясь, я видела, что она не отстаёт.

— Чувствуешь? — вдруг спросил Мальчик.

— Нет, а что?

— Капает.

Он взглянул на покрытое тёмными тучами небо. Вдруг где-то вдалеке загромыхало.

— Что это? — удивилась я.

— Кажется, гром. Отец мне о нём рассказывал.

— И дедушка о нём говорил! — радостно воскликнула я. — До того как солнце пропало, в августе частенько бывали грозы.

Потом хлынул дождь, настоящий, совершенно не похожий на ставшую привычной нам морось. Мы запрокинули головы и раскинули руки. Струи воды стекали по щекам и лбу, смывая пыль и пот. Мы подставили ладони, наполнили их дождевой водой и стали пить, пока не утолили жажду.

Я обернулась и посмотрела на Марию. Она стояла, как и мы, подставив лицо дождю, и с неё ручьями стекала покрывавшая её копоть. Наконец

я увидела, как на самом деле выглядит моя мама. Она открыла глаза, повернулась ко мне и попыталась улыбнуться. Я улыбнулась в ответ и ободряюще кивнула. «У тебя получится, — подумала я, — однажды ты сможешь улыбнуться по-настоящему».

Мы пошли дальше. Вскоре мы промокли насквозь, но это не имело никакого значения, потому что дождь был тёплым, а смыть с себя грязь было так приятно. Гром гремел всё громче и громче, ветер усиливался, и вдруг небо прорезала яркая вспышка.

— Молния! — вскрикнула я. — В грозу грохочет гром и сверкает молния, кажется, так.

Мальчик громко рассмеялся.

— Да! Теперь я вспомнил!

— Что именно?

— Своё имя!

Он повернулся ко мне, на мокром лице глаза тоже сверкали.

— Меня зовут Шторм!

— Шторм?

— Мама рассказывала, почему меня так называли. Я вспомнил! Это из-за погоды в ту ночь, когда я родился. Я родился в ту секунду, когда молния ударила в старый дуб, росший у нас во дворе.

— Шторм! — улыбнулась я. — Красивое имя!

— А тебя, — он сел на корточки и обратился к Собаке, — тебя зовут Молния!

И собака с лаем, виляя хвостом, кинулась ему в объятия.

«Шторм, — подумала я, — но совсем не тот страшный, опасный». Мальчик был как очистительная гроза, в которую мы попали. Как ливень, что смывает всю грязь, как ветер, что проносится над горами и долами, сметая пыль и оставляя мир чистым, готовым к новому началу.

ГЛАВА 26

Мы спустились к реке, у которой раньше жил Шторм, но к ферме решили не ходить. Вместо этого мы прошли вдоль горной гряды, переправились через реку и поднялись к лесу. Мария всё время следовала за нами, я слышала её шаги. Каждый раз, когда я оборачивалась, она поглядывала на меня, открывала рот, точно собиралась что-то сказать, только не знала что.

Гроза утихла. На небе ещё громоздились серые тучи, но из-за них время от времени проглядывало солнце. От земли поднимался тёплый пар, пахло мокрой травой и прелой листвой. Природа медленно обсыхала, как и мы.

Наши волосы и одежда почти высохли. Я снова обернулась и посмотрела на Марию. Её волосы были такого же цвета, что и мои.

Мария следовала за нами по пятам, спала, когда мы спали, и ела то немногое, что мы могли ей предложить. Она почти не разговаривала и старалась держаться поодаль.

Все растения будто ушли в спячку. От сильной жары зелёные листья пожухли, опали и толстым ковром покрывали землю. Дождевые черви

утаскивали кусочки бурых листьев в землю, где они будут медленно превращаться в новую, плодородную почву для новых растений.

— Как думаешь, это осень? — спросила я Шторма.

— Не знаю, — ответил он. — Я никогда не видел осени.

— И я.

Вдруг я заметила, что Мария остановилась. Она стояла под высоким дубом и смотрела на горную грядку.

— Долина, — шепнул мне Шторм. — Она смотрит в сторону долины.

Потом он обратился к Марии:

— Если хотите, мы проводим вас туда.

Мария с благодарностью посмотрела на него и слабо кивнула.

Теперь впереди шла она, показывая дорогу. Вскоре мы выбрались на тропинку, по которой я ходила в долину. Чем ближе мы подходили к горной гряде, тем быстрее шла Мария. Мы сильно отстали, но успели заметить, как она скрылась в узком проходе.

Мы поспешили следом. К тому моменту, когда мы вышли по другую сторону горной гряды, я сильно запыхалась, да и Шторм дышал тяжело.

Я резко остановилась. Долину было не узнать. Прежде полная жизни, красок и запахов, теперь она стала такой же серой и голой, как лес за её пределами. Ни листвы, ни цветов, ни фруктов, ни овощей. Между двумя деревьями одиноко висел гамак Шторма.

— Куда она подевалась? — спросила я.

— Идём.

Мы побежали к пещере. В нос ударил тошнотворный запах пожара и копоти. Землю и деревья вокруг выжгло пламенем.

Ворота стояли открытыми настежь. Вдруг из пещеры послышались шаги, и оттуда вышла Мария. Её взгляд был словно обращён внутрь. От ярости

Хранительницы солнца не осталось и следа, как и от безумия. Теперь в её глазах, полных скорби, сквозило новое чувство... Раскаяние.

— Я больше никогда сюда не вернусь, — тихо произнесла она. — Никогда.

Мы двинулись обратно: она впереди, а мы следом. И мне показалось, что Мария шагает увереннее.

Мария долго шла первой, но, когда вдалеке показалась опушка леса, уверенность стала покидать её, она замедлила шаг и пропустила нас вперёд.

На опушке мы остановились. Перед нами лежали пастбища и поля, такие же серые, унылые и безжизненные, как все эти годы без солнца.

Мне в голову пришла страшная мысль: а что, если ничего не изменилось, что, если всё останется как было — серым и тоскливым?

И тут сквозь тучи пробился солнечный лучик. Он скользнул по лицу, и тепло его нежного прикосновения согрело меня. На мгновение я остановилась и закрыла глаза.

— Ты улыбаешься, — сказал Шторм.

— Да, — ответила я и открыла глаза. — И ты тоже.

Я направилась к дедушкиной теплице, Мария и Шторм немного отстали. Из теплицы не доносилось ни звука, и я подумала, что там никого нет, но потом увидела на оклеенных бумагой стенах тень. Внезапно раздался резкий звук, и я вздрогнула. Со стёкол срывали бумагу, лист за листом, и моему взгляду открывалась теплица. А когда сорвали лист прямо передо мной, я увидела дедушку. Он поднял голову, наши взгляды встретились, и мы застыли, глядя друг другу в глаза. Вдруг его губы задрожали, а глаза наполнились слезами. Мы оба бросились ко входу в теплицу. Дедушка распахнул дверь с такой силой, что стекло зазвенело. Я заметила только, что табличку с надписью «Посторонним вход воспрещён» он снял, но больше толком ничего разглядеть не успела, потому что он заключил меня в объятия.

— Лиля... — прошептал дедушка, зарывшись носом мне в волосы.

— Дедушка... — всхлипывала я.

И мы наконец обнялись. Он прижал меня к своему доброму, верному сердцу и держал долго-долго. Его щетина слегка покалывала щёку, но это было даже приятно, потому что именно так я всё себе и представляла.

В конце концов дедушка разомкнул объятия, слегка отодвинул меня и долго разглядывал, будто не верил своим глазам.

— Дитя моё, — наконец произнёс он. — Да ты скоро будешь с меня ростом! Я рассмеялась.

— Я выросла, — сказала я. — Это же естественно. Юность, весна жизни, знаешь ли.

И он рассмеялся в ответ.

— Да, юность — весна жизни.

Вдруг он перестал улыбаться и уставился на что-то позади меня. Я обернулась и увидела, что к нам подошли Мария и Шторм.

— Мария! — ахнул дедушка, и на его лице одновременно отразилось множество чувств.

Мария судорожно вздохнула, но ничего не сказала.

— Так это ты... — произнёс дрожащим голосом дедушка. — Ты такое устроила!

Мария склонила голову, будто не могла смотреть ему в глаза.

— Да, я.

— Я должен был догадаться, — медленно проговорил дедушка. — Но, наверное, просто не хотел... не хотел верить, что ты на такое способна...

Мария сделала шаг вперёд и подняла голову.

— Я тоже не могла. Но мной овладела ярость.

И отчаяние. И в конце концов я перестала быть Марией и стала Хранительницей солнца. А когда ты превращаешься в такое, пути назад нет. Если тебе не помогут вернуться.

— Значит, тебе повезло, что у тебя есть дочь, — сказал дедушка. Я увидела, что в его глазах зажёгся незнакомый огонёк, и вдруг поняла, что дедушка в ярости. — Хорошо, что у тебя есть Лилия!

Мария кивнула и опустила голову. Она явно хотела сказать ещё что-то, но дедушка громким голосом продолжал:

— Мы могли держаться вместе, втроём, но тебе нужна была только месть. И в конце концов я чуть не потерял и Лилию — единственное, что у меня осталось.

Мария стояла с опущенной головой.

— Я хотела бы попросить прощения.

— Просить прощения — слишком мало, учитывая, что ты натворила, — отрезал дедушка.

Он будто забыл о нашем со Штормом присутствии и продолжал сверлить Марию взглядом. Я испугалась, ведь теперь он напоминал Хранительницу. Тот же пугающий блеск в глазах, та же ярость.

— Нет, — громко произнесла я и сделала шаг вперёд.

Дедушка вздрогнул, будто лишь сейчас обнаружил, что я стою рядом.

— Нет! — повторила я.

С его лица пропало жестокое выражение. Он, должно быть, увидел, в каком я отчаянии, потому как снова притянул меня к себе и обнял. И снова стал собой.

— Ты вернулась, Лиленька! — воскликнул он.

— Да, вернулась, — сказала я. — И теперь никуда уже не уйду.

Дедушка обнял меня ещё крепче, и, пока мы стояли вот так, обнявшись, я почувствовала, как гнев и напряжение покидают его. Точно заросли крапивы, через которые он продирался, сколько я себя помню, в конце концов остались позади.

— Лиля, моя Лиленька, — сказал он и погладил меня по волосам. — Ты мой самый прекрасный цветок.

ГЛАВА 27

С нами в доме Мария жить не стала. Она поселилась в теплице: поставила у задней стены, заросшей снаружи кустарником, кровать, родители Тома и Теи одолжили ей старый стол и два венских стула, посреди теплицы она установила печь, чтобы готовить еду. Дедушка отдал ей и бабушкину качалку, но я ни разу не видела, чтобы она в ней сидела. Мария вообще редко сидела на месте. Сквозь стёкла теплицы мы наблюдали, как она с утра до вечера трудится. Мария меняла землю, удобряла и сеяла. Со всей деревни она собирала пищевые отходы и готовила компост. Я старалась навещать её каждый день и видела, что она ценит мою помощь. О работе Мария говорила редко, но мы понимали, что хотела она только одного — как прежде кормить жителей деревни овощами и фруктами. Таким образом она пыталась загладить вину. Похоже, работа шла на пользу и ей: всё чаще и чаще её глаза светились покоем, и тогда я понимала, что говорю с Марией, а Хранительница солнца исчезла. Как-то раз у меня мелькнула мысль, что когда-нибудь, может статься, вернётся и моя мама, но до этого было ещё далеко, а я привыкла не питать лишних надежд.

Всходы в горшках Марии росли дружно, и вскоре в теплице зазеленела рассада.

Видно, и земля, которую приготовила Мария, и её заботливые руки пришлись растениям по вкусу. Дедушка говорил, что у неё лёгкая рука. А в один прекрасный день всходы зазеленели и на полях. Поля покрылись лёгкой зелёной дымкой, похожей на тонкое шёлковое покрывало, на берёзах появились серёжки, а пригорок за домом расцвёл подснежниками.

Дедушка наблюдал за продолжительностью дня и говорил, что день становится всё длиннее и длиннее, как и должно быть с наступлением весны, и что скоро день и ночь сравняются. Это называется весенним равноденствием. До исчезновения солнца мы праздновали этот день, вот и теперь вся деревня готовилась к празднику.

В то утро меня разбудил солнечный свет, я потянулась, свесилась с кровати и заглянула в бывшую спальню родителей, где теперь жил Шторм. Он тоже уже не спал, сидел в постели на фоне залитого солнцем окна, отчего казалось, будто волосы Шторма светятся изнутри. Но даже когда он встал и отошёл в тень, от него по-прежнему будто исходило сияние. Моё сонное сердце замерло, подпрыгнуло, и я окончательно проснулась.

— Доброе утро! — сказал он, улыбаясь.

Какая же красивая у него улыбка! Мне захотелось окунуться в неё.

— С днём весеннего равноденствия! — отозвалась я.

Мы смотрели друг на друга. Долго. Я чувствовала, как свет его глаз наполняет меня.

Вдруг Шторм закашлялся, будто поперхнулся, и опустил взгляд. Его щёки стали ещё румянее, чем обычно.

У меня в горле тоже запершило, и я не знала, куда девать глаза.

— Пойду, пожалуй, прогуляюсь, — пробормотала я.

— Мм, — промычал он.

Я встала, бережно достала самое нарядное платье, надела и вышла из комнаты. Мельком я увидела, как Шторм возится с пуговицами рубашки.

— Я тебя догоню, — крикнул он.

Выйдя из дома, я несколько раз глубоко вдохнула, чтобы перевести дух. Воздух был чистым и свежим, словно его только что промыл весенний дождик.

Над головой высилось голубое небо, подснежники на пригорке блестели от росы, а берёзовые листочки всего за ночь подросли. Скоро за зелёной листвой не будет видно веток.

«Вот мой мир, — подумала я. — И этот мир мне нравится. Здесь всё меняется, здесь всё время что-то происходит».

Я пошла к ручью. Том и Тея были уже на месте. Тея сколачивала доски, Том подавал ей гвозди. Одеты мои друзья были нарядно, но оба уже успели запачкать колени. Я не смогла сдержать улыбки.

Тея обернулась и помахала мне молотком.

— В ручье полно воды! — крикнула она. — Я строю ещё одну мельницу.

— Отличная идея! — ответила я.

Тея улыбнулась, и я заметила у неё на левой щеке ямочку. Раньше её там не было. Вот секретик и обнаружился, как только Тея стала есть досыта. К тому же она заметно подросла — брюки стали ей коротки.

— Давай придумаем что-нибудь вместе? — предложила я. — Сегодня, после праздника.

Тея заулыбалась ещё шире.

— Давай!

— Можем вместе достроить плотину в ручье, если хочешь, — предложила я.

Тея сморщила нос.

— Не, — сказала она. — Плотиной я займусь сама. А мы с тобой давай лучше погуляем.

— Договорились!

Я хотела добавить кое-что ещё, сказать: «Тея, ты моя лучшая подруга, о такой можно только мечтать. Я очень тебя люблю». Но мы просто посмотрели друг на друга и улыбнулись, думаю, слов нам не требовалось.

Тут дверь её дома открылась, и на пороге появился папа Теи. На руках он держал Тириль, малышка весело лепетала:

— Кася! Кася! Сё! Сё!

— Да-да, — отвечал ей отец. — Я дам тебе ещё каши.

Потом он повернулся к нам.

— О нет! — простонал он, увидев Тома и Тею. — На кого вы похожи?!

— Э-э-э... — протянула Тея, оглядывая свою одежду.

— А что не так? — поинтересовался Том.

— Идите и приведите себя в порядок! И умойтесь! — скомандовал отец.

Тея закатила глаза, Том стал протестовать, но в конце концов они собрали инструмент и скрылись в доме.

Я подошла к ручью и села на траву у мельничного колеса. Оно крутилось не переставая. Вода толкала его вперёд, оно никогда не останавливалось. Таким же стал и наш мир. Ничто здесь не стояло на месте.

На меня упала тень, и я подняла глаза. Кто это? Неужели Шторм?

Да, это был он... Но сегодня Шторм выглядел повзрослевшей копией себя прежнего. Он расчесал волосы мокрой расчёской, и на нём была выходная рубашка моего отца. Она была ему немного великовата, но я не сомневалась — Шторм до неё дорастёт.

Шторм сел рядом. Никто из нас не произнёс ни слова. Мы просто тихо сидели и слушали журчание ручья и пение птиц на деревьях.

Из хора голосов выделялся один, громкий и чистый.

— Что это за птица? — спросил Шторм.

— Думаю, чёрный дрозд, — ответила я.

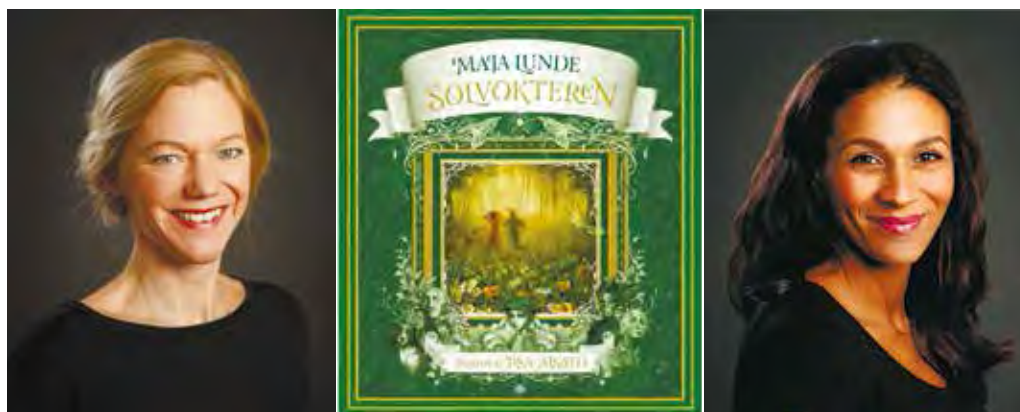
И тут мимо нас пролетела птичка с чёрными, как сажа, перьями и ярко-оранжевым, как огонь, клювом. Она села на куст неподалёку и запела. Высокие трели лились, рождая хвалебную песнь миру вокруг, и её песня вселила в меня смелость, мне захотелось сделать что-нибудь такое, на что раньше я никогда не решилась бы. Я обернулась к Шторму и обнаружила, что он смотрит на меня. В его взгляде читалась та же решимость. Мы одновременно потянулись друг к другу. Он обнял меня, я обвила его шею руками в ответ, прижалась к его мягкой щеке, закрыла глаза и почувствовала запах молодой травы, бескрайних лугов и свежей земли.

Лучший запах на свете.

Запах весны.

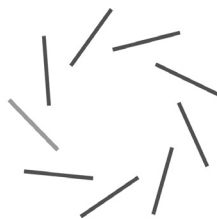
Майя Лунде (*Maja Lund*, р. 1975) — норвежская писательница, автор книг для детей и взрослых. В 2012 году дебютировала с детской книгой «Через границу» о еврейских детях, бежавших в 1942 году из оккупированной Норвегии в нейтральную Швецию. В 2015 году вышел роман-антиутопия о будущем человечества «История пчёл». Книга была переведена на тридцать пять языков, вошла в лонг-лист премии «Ясная Поляна». Романы «Синева», «Лошадь Пржевальского» и «Мечта о дереве» продолжили экологическую тему в творчестве писательницы. Лунде стала автором ещё нескольких книг для детей и подростков, самые известные из них — «Снежная сестрёнка» и «Хранительница солнца».

Книги Лунде были удостоены многих наград, в том числе премии норвежских книготорговцев (2015), премии Fable (2016), присуждаемой лучшим норвежским литературным произведениям в жанре фантастики, премии Пер Гюнта (2020).

Лиза Айсато (*Lisa Aisato*, р. 1981) — норвежская художница и писательница, признанный мастер книжной иллюстрации. Айсато — автор семи собственных книг и иллюстратор многих книг других писателей. В своём творчестве она затрагивает темы семьи, любви, дружбы, взаимопомощи, уделяя особое внимание вопросам детской психологии, проблемам школьного образования, жизни пожилых людей. Художница создаёт иллюстрации в смешанной традиционной и цифровой технике.

Книги Лизы Айсато переведены более чем на сорок языков, она стала лауреатом премии Министерства культуры Норвегии и норвежских книготорговцев, была номинантом премии памяти Астрид Линдгрен и премии имени Ханса Кристиана Андерсена.

PRIMELINE

КОМПЛЕКСНЫЕ ЕРС-ПРОЕКТЫ

Центральный офис
Инжиниринговый центр
г. Москва

Филиал / верфь
и производство
г. Мурманск

www.prime-l.ru

- Реализация ЕРС-проектов «под ключ», в т.ч. в сложных климатических условиях
- Сервисное обслуживание, модернизация, ремонт действующих нефтегазовых объектов
- Производство и монтаж сложного оборудования для нефтегазовой отрасли (локализация производства)

50+

Инженерно-технические работники /
руководители проектов

300+

Разнорабочие и обслуживающий
персонал

25 000+

кв.м площадь цехов

ISO

Сертификация оборудования ISO,
NORSOK, ASME, DNV GL

Литературно-художественное издание
Для детей среднего школьного возраста

Майя Лунде
Хранительница солнца

Иллюстрации Лизы Айсато
Перевод Елены Рачинской

Куратор серии Елена Дорофеева
Редактор Виктория Лебедева
Выпускающий редактор Борис Геласимов
Корректоры Елизавета Полукеева, Светлана Фунтусова
Макет и лetterинг Ильи Викторова
Компьютерная верстка Екатерины Климентьевой

Подписано в печать 16.01.2024
Формат 60 × 90/8. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 2000 экз. Заказ №

«Издательский Дом “Тородец”»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 21, стр. 7, пом. 2
тел.: +7 (985) 8000 366, www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru
Интернет-магазин: gorodets.ru

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <https://gorodets.ru/>

Отпечатано в полном соответствии с предоставленным
оригинал-макетом в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru | sales@chpd.ru | +7 (499) 270-73-59

Лилия живёт в странном, тёмном мире, где нет ни зимы ни лета, ни дня ни ночи, лишь вечный дождь и унылая серость вокруг. На земле, пропитанной дождём, давно ничего не растёт. Людям нечего есть, нигде отогреться. О том, что когда-то в мире существовало солнце, девочка знает лишь по рассказам бабушки.

Бабушка единственный спасает деревню от голода. Он выращивает овощи в таинственной теплице, куда никому не разрешается заходить. Но однажды, нарушив запрет и открыв дверь, девочка находит там вовсе не овощи и фрукты, а дорогу в удивительный мир, совсем не такой, к какому привыкла. В этом мире её подстерегают опасности, но она обретает и любовь, и дружбу, и радость, а главное — надежду на то, что весна всё же наступит.

Лилия познаёт мир, учится преодолевать страхи, идти навстречу неизвестному, вступать в отношения с другими людьми, соперничать им и — радоваться, ведь этому тоже иногда приходится учиться.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907641-79-2

9 785907 641792

ГОРОДЕЦ
ДЕТСТВО

12+